

18+

Алия Амирханова
Не покинь мир невеждой

Алия Амирханова

Не покинь мир невеждой

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Амирханова А.

Не покинь мир невеждой / А. Амирханова — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Роман о большой любви русской девушки Лены и узбекского парня Алишера. Трагические события, происходящие в республике перед самым развалом СССР самым жестоким образом, вмешиваются в судьбы главных героев. Исчезают симпатии, меняется мировоззрение. Тот, кто вчера был близким другом, сегодня становится врагом. Нормальная человеческая жизнь с её миролюбивыми проблемами: как создание семьи, рождение детей превращается в триллер со множеством неизвестных, в череду событий, заканчивающихся трагически. О большой любви, о становлении характеров главных героев в противостоянии жизненным обстоятельствам, в борьбе за свою любовь, счастье и о многом, многом другом повествует роман.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	6
Глава 2	25
Глава 3.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог.

Всему виной были высокие горы с белоснежными вершинами, не полностью тающего даже летом снега. Горы были не где-то там, а совсем рядом – до Ташкента рукой подать. Множество мелких и не очень речушек, словно пичужки в жару, облепили подножие этих каменных исполинов, с вершин которых, порой по едва заметным проточенным водой руслам, летом стекала к ним живительная влага тающего снега, жадно ими поглощаемая. А излишки, как драгоценный бриллиант, аккуратно, не разбрызгивая ни капли, уносились ими – в долину, к берегам их родной матери – тяжёлой в гнев реки Ангрен, которая всегда сама решала, куда ей течь дальше.

Но смелая рука человека решила вмешаться в природу, и в тридцати километрах от Ташкента было решено построить искусственное водохранилище, чтобы летом брать из него воду и орошать хлопковые поля, которых в Узбекистане, в частности – в окрестностях Ташкента, было несчётное количество. И воду для этого водохранилища как раз и взяли у своенравной реки Ангрен.

Водоохранилище получилось огромное и протянулось на несколько тысяч метров, как в длину, так и в ширину. Весть, что близ Ташкента появилось море, пусть и искусственное, и что на его берегах строится посёлок, облетела весь Узбекистан. И потянулись к этому морю, в посёлок, множество людей, оказавшихся в Узбекистане в поисках жизни лучшей, но много было и тех, кто оказался там по злой воле обстоятельств: насильно депортированные во времена Великой Отечественной со своих родных мест крымские татары, корейцы, турки-месхетинцы. Не привязанные к узбекской земле памятью предков, кочевали они по этим краям в поисках лучших мест.

И вскоре посёлок разросся. Белые поля парников своим плёночным покрытием стали визитной карточкой крымских татар, обосновавшихся в посёлке. В окрестностях появились заливные рисовые поля корейцев, и базары заблагоухали ароматами их кухни, слышными уже за несколько десятков метров. Узбеки учились растить овощи и рис, а не только хлопок и опиум. Игралась свадьба на любой вкус, рождались дети в смешанных браках. Многонациональный посёлок на берегу рукотворного моря превратился в оазис среди сухой, изнуряющей жары, и стал достопримечательностью близлежащих мест, любимым местом отдыха...

Глава 1.

Ночь в Бухару приходит рано. Совершенно неожиданно чёрное покрывало откуда-то сверху падает на землю и, словно невидимый громадный ластик, сразу же стирает всё живое и неживое вокруг. Вмиг становится темно, пустынно, тихо и мрачно. Всё замирает, ничего не видно, хоть глаз выколи.

И вот как-то раз, когда такая ночь, словно кошка, перемазанная дёгтем, кралась по улицам Бухары, вынуждая редких прохожих в страхе замирать и готовиться к смерти, принимая скрип калиток, за крадущегося злодея с ножом в руках, – по старым узеньким и пыльным улочкам быстрым шагом шёл юноша.

Эти, ручьям подобные, улочки тянулись между стен высотой в почти два этажа с обеих сторон, которые образовывали глинобитные дома, располагающиеся так близко друг к другу, что казались сплошной высокой стеной с редкими вкраплениями невзрачных, едва заметных, обветшалых деревянных калиток, служащих входом внутрь. У жителей Востока издревле было принято строить дома по периметру, оставляя двор в центре, что, как раз и способствовало превращению улочек между домами в нечто наподобие дна ущелья: высокие стены гор по бокам и зловещее одиночество внизу. Эта уединенность и тишина пугают, так как не знаешь, что или кого ожидать за поворотом или сверху.

Юноша, на голове которого была чалма, кутался в *чапан* и, похоже, тоже боялся, потому как шёл не слышно, едва касаясь земли, словно старался не быть обнаруженным. Он шёл быстро, не оглядываясь, глядя лишь себе под ноги. В одной из рук, спрятанных в рукава чапана он держал завернутый в холщовую материю острый нож. Путь до кладбища был не близким, и юноша нервничал. Ему предстояло многое успеть сделать, а в его распоряжении была лишь ночь, которая в тех краях так же рано и неожиданно заканчивалась, как и начиналась.

Ещё один человек этой ночью, можно сказать, умирал со страху, но всё же продолжал откапывать тело молодого водоноса, похороненного днём. Этим человеком был сторож кладбища, который прекрасно знал, что родственники водоноса разорвут его на мелкие кусочки, обнаружив за этим страшным занятием, но, несмотря на это, продолжал быстро раскапывать могилу. Сторож торопился. К приходу юноши он должен был успеть разрыть могилу и очистить тело от земли. Почему он это делал? Потому что юноша был сегодня днём на похоронах водоноса и, отыскав сторожа, многозначительно посмотрел ему в глаза. Это было их условным знаком и предполагало именно то, что сторож и делал.

Рядом стояла небольшая деревянная лестница, по которой сторож, закончив дела, поднялся из могилы, а затем быстрым шагом направился к воротам кладбища, куда уже подходил юноша. Не произнося ничего, в мёртвой тишине они, теперь уже вместе, направились к раскопанной могиле. Юноша спустился вниз, а сторож остался снаружи – ожидать его и умирать со страху. А молодой человек тем временем, забыв обо всём на свете, с горящим взором, с сердцем, охваченным неистовым жаром познания, быстро разрезал саван покойника и, не теряя ни минуты, ввёл нож между рёбер, вскрыв грудную клетку, а через некоторое время рассёк и живот.

Поднося к разрезу огонь свечи, он с жадностью всматривался в строение человеческого тела, его внутреннюю сущность. Феноменальная память фиксировала “тончайшие нити”, соединяющие человеческие органы, последовательность их расположения, изменения в стадии болезни. Невозможно передать словами ту страсть, с которой этот шестнадцатилетний юноша желал знать, как устроены печень и почки, обнаружить, что в плевре может собираться жидкость, что мозг человека похож по виду на грецкий орех, когда его череп расколот...

Прошло несколько часов, прежде чем юноша услышал стук по дереву лестницы, что означало: время уходить. Злясь, что приходится заканчивать столь интересный урок познания, он,

раздосадованный, но вместе с тем смиренно, потушил свечу и, прикрыв тело остатками савана, вылез из могилы. Сунув сторожу мешочек золотых монет и благодарно пожав мужчине руку, всё так же молча, юноша, занятый своими мыслями об увиденном, отправился прочь с кладбища, оставив слугителя закапывать могилу и приводить всё в надлежащий вид.

Всю дорогу домой юноша шёл, не замечая времени, отдавая всего себя работе мысли, которая и сейчас трудилась не менее интенсивно, чем буквально двадцать минут назад, когда он, стоя на коленях, всматривался во внутренности покойника, пытаясь понять причины болезни. Сейчас же, успешно сопоставляя уже имеющуюся информацию из теории и более ранних наблюдений, бережно хранившихся в запасниках памяти, со вновь обрётённым практическим опытом, его мозг организовывал новые связи, не ясные и неизвестные ему ранее. И уже дома, забыв об усталости, с горящими глазами молодой человек кинулся записывать на бумагу всё множество новых, обрётённых знаний об устройстве отдельных органов человека, причинах их болезней.

А назавтра, обогашённый новыми познаниями, этот юноша еще более успешно продолжит лечить больных, принимающих его за некоего волшебника, чародея, не понимая, не представляя, сколь могущественна сила знания.

– Дедушка, дедушка, что же ты замолчал? – русская девочка Лена, теребила старика узбека за рукав.

– И правда, дедушка, ну чего ты замолчал на самом интересном месте? – к своей подружке ровеснице присоединилась узбекская девочка, внучка дедушки шестнадцатилетняя Дильбар. Рядом на топчане сидел молодой мужчина, на вид лет тридцати с небольшим. Он не обращал внимания ни на рассказ деда, ни на возмущённые возгласы подружек: всё его внимание было приковано к книге по юриспруденции. Алишер, так звали молодого человека, работал следователем в Ташкенте. Но сейчас у него был отпуск, который он проводил у деда, проживающего со своей дочерью, мамой Дильбар, в посёлке у моря.

– Да я вроде всё рассказал, – дед хитро улыбнулся, полулёжа на *курпачах*, которыми был застлан весь топчан.

– Ничего не всё. Как звали того юношу? И что стало с ним дальше? – Лена обиженно поджала губы.

– Ах, это. Я думал, вы знаете. Того смелого, любознательного юношу звали Абу Ибн-Сина или Авиценна – это его европейское имя. Он был самым выдающимся среднеазиатским учёным, философом, врачом, хотя было это давным-давно – тысячу лет назад. Прожил Авиценна чуть больше пятидесяти лет. Но за это время он смог изучить и описать в своих книгах многое такое, что было неизвестным до него в те времена. Самый главный его труд – пятитомный «Канон врачебной науки», где он описал много открытий в медицинских познаниях. По его книгам многие века изучали медицину во всём мире.

– Вот это да. Какой талантливый.

– Он – гений, девочка моя, – старик ласково похлопал по руке Лену, сидевшую ближе всех к старику и, можно сказать, ловила каждое его слово.

– А откуда вы всё это знаете? Ну, про Авиценну, – Лена с любопытством смотрела на старика.

– Я, милая, когда-то был учителем истории в школе, а потом экскурсоводом работал. У нас в Самарканде много старинных зданий.

Ветви развесистой чинары тихонько, не мешая рассказу старика, колыхались, словно опало, создавая приятную прохладу и тень, в которой стоял топчан, где как раз и сидели все участники разговора. Девочки, поджав под себя ноги, сидели и даже не шевелились в ожидании новых рассказов деда, но тут молодой человек наконец-то оторвался от книги и, посмотрев на ручные часы, красовавшиеся на его руке, и закрыв книгу, произнёс.

– Рассказы окончены. Давайте кушать арбуз – и по домам, – он слез с топчана и, пройдя пару метров к ручью, протекающему рядом, достал из воды арбуз, лежавший там рядом с бутылкой молока. Прохладный ручей служил холодильником в их несложном быту.

Девчонки – Лена и Дильбар – захлопали в ладоши от радости, а дед сдержанно подставил большое блюдо, на которое Алишер и опустил арбуз. Взобравшись на топчан, молодой человек вместе с девчонками замер в ожидании. Дед тем временем, не торопясь, со знанием дела нарезал арбуз на кусочки, в красной мякоти которых, словно пятнышки на крылышках божьей коровки, виднелись чёрные продолговатые косточки. Дильбар положила перед каждым тарелки, но ими, кроме деда, никто не воспользовался. Каждый из ребят брал себе кусок с общего блюда и, не донеся до тарелки, нетерпеливо погружал свои белоснежные крепкие зубы в красную, сладкую арбузную плоть, которая не сопротивляясь, арбуз был созревшим, впускала их в себя всё глубже и глубже. И вот уже не только губы, но и щёки касались сочной мякоти, обильно покрываясь арбузным соком, который ребята время от времени, не заморачиваясь, вытирали тыльной стороной кисти. Арбуз был сладким и прохладным.

Говорить никому не хотелось, все были заняты получением удовольствия от чудесного поедания, одновременно утоляя и жажду, и голод. Арбузные косточки тут же сплёвывались на землю за топчаном, обглоданные куски летели в кусты, что были подальше. Лишь дедушка, глядя на молодёжь и чему-то улыбаясь, ел не спеша и аккуратно.

Алишер, достав из брюк носовой платок, протянул его Лене. Только после неё, он и сам вытер рот и руки. Дильбар от платка отказалась, спустившись вниз, она ополоснула щеки и тарелки в протекающем ручье; потом, отойдя подальше в кусты, они с Леной справили маленькую нужду, и тут услышали голос Алишера.

- Где вы там? Чего так долго, скоро стемнеет, домой пора!
- Идём, идём, – девчонки, весело смеясь, вернулись к топчану.
- До свидания, дедушка.
- До свидания, Леночка. Приходи ещё.
- А вы что же, не пойдёте?
- Нет. Я тут, на бахче, сторожем работаю.

Взгляд Лены последовал за рукой дедушки, указывающей на огромное поле, концов которого она так и не увидела. Множество крупных зелёно – полосатых шаров грузно лежали на земле, подмяв под себя наполовину жёлтые листья травянистого растения, чем-то напоминающие огуречную ботву. И было удивительно, как совсем невысокий травянистый куст смог породить и вырастить такие многочисленные исполины – плоды.

- Дедушка, какое огромное поле. Как ты один справляешься? Не страшно?
- Алишер частенько навдыхается, пока у него отпуск. Я, если честно сказать, здесь ради галочки. Ты права, что я смогу один?.. Идите, Леночка, а то скоро стемнеет. Приходи с моими внучатами ещё.
- Приду. А вы ещё что-нибудь расскажите?
- Я многое что знаю – расскажу.
- Обязательно приду, дедушка.

Попрощавшись, ребята быстрым шагом отправились домой. Дорога, по которой они шли, была пустынная; вечерело, и местная ребятня, набегавшись за день, уже устало сидела по домам. Почва в здешних местах была глинистая, солнце нещадно иссушило её, и малейшее трение превращало землю в мелкую крошку, оттого хождение по дороге сопровождалось клубами пыли. Кое-где на обочине дороги встречались тутовые деревья, но их плоды давно уже как созрели, и сейчас они выглядели жалко. Ребятня соседних кишлаков, – не только от голода, но и от скудности развлечений, – словно саранча, каждое лето регулярно проходила по здешним местам с плодоносящими деревьями, бахчами и, не церемонясь, вместе с листьями и ветками обрывала всё, на чём находила хоть что-то съедобное.

Наполнив животы фруктами и ягодами, толпами бежали купаться в воды арыков, коллегторов, несущих не только полям, но всем людям живительную влагу. К единственной радости ребят из кишлаков, подобных хранилищ воды было достаточно. Там и проводили они дни летних каникул. В арыках – учились нырять и плавать, учились дружить и получать радость от малого. Правда, нахлебавшись арычной воды, потом мучились животами, но это уже была совсем другая история.

– Меня мама будет ругать, если домой поздно вернусь, – со вздохом пожаловалась Лена, тяжело переводя дыхание от быстрой ходьбы.

– Пошлите короткой дорогой, за пятнадцать минут в посёлке будем, – предложил Алишер.

– Это через кладбище, что ли? – спросила Дильбар.

– Могла бы промолчать, – сердито прошептал парень, но Лена уже услышала.

– Страшно.

– А чего бояться? Как говорит дедушка: бояться надо живых, а не мёртвых, – Алишер подбодрил девчонок.

– Ну, тогда побежали.

– Подождите.

– Встаём в шеренгу, друг за другом и берёмся за руки. Неудобно, но что делать. Сейчас станет темно, и чтобы не потеряться, все крепко держимся друг за друга. Я – первый, Лена, ты за мной, Дильбар, ты замыкающая. Да, вот ещё: что бы ни случилось, кричать нельзя. Идём тихо.

– А что будет, если закричим? – Дильбар была любопытна.

– На кладбище не то, что кричать, – нельзя даже громко разговаривать: духи проснутся, тогда нам несдобровать, – Алишер специально припугнул девушек. Он боялся встретить хулиганов, чувствуя себя ответственным за честь своих спутниц.

Угрозы подействовали. Шли молча. Ночь, как в том дедушкином рассказе, свалилась на ребят неожиданно. Враз стало темно-темно. Ничего не было видно. Куда ступаешь, на что наступишь в следующий момент, сломаешь ли при этом ногу – ничего не известно. Но, крепко держась за руки, ведомые Алишером, все шли быстрым шагом, не падая и не останавливаясь.

– Мы уже по кладбищу идём? – дрожащим шёпотом первая спросила Дильбар?

– Нет, до кладбища ещё далеко, – Алишер соврал, чтобы сильно не испугать девчонок.

– Как же. Он тебе правду скажет, – шёпотом ответила Лена.

После этих «разоблачительных» слов подружки, Дильбар охватил страх. Ей было, отчего пугаться: она шла замыкающей, а тучи плотной завесой закрыли небо. Пропали звёзды, и лишь непослушный кончик тонкого обруча полумесяца озорно высывался время от времени из-под занавеса туч. Он освещал всё то, чего мог коснуться лучом, а попадались ему могильные надгробия, возвышавшиеся тут и там, сделанные по одному шаблону прямоугольной формы из смеси песка и цемента. В то время не ставили оградительных заборчиков: лишь небольшой холм с надгробием во главе обозначал могилу. И вот теперь, слегка освещённые светом полумесяца, эти надгробия представлялись в темноте человеческими фигурами.

– Вы посмотрите вон туда. – Дильбар повернула голову в сторону, правда в какую было известно ей одной.

– Там кто-то стоит. ...Их много. ...Меня потрогали за плечо, – произнося эти слова, девушка уже чуть не плакала.

– Говорить нельзя. Крепко держитесь за руки. Побежали, – скомандовал Алишер и перешёл на бег.

Дильбар и Лена, охваченные ужасом, молча побежали. Когда кто-то спотыкался и падал, это ощущали все и тут же останавливались. Дожидались, когда упавший поднимется, и про-

должали бег. До посёлка добрались незаметно. Увидев знакомые улицы, немного успокоились, за руки держаться перестали, но скорость почти не сбавили.

Дойдя до своей улицы, – её дом был уже в нескольких метрах, – Лена тронула руку подруги.

– Пока. Спокойной ночи, – она обращалась не только к Дильбар, но и к Алишеру тоже.

– Спокойной ночи, – Алишер на несколько секунд задержал на Лене взгляд, чтобы удостовериться, что с ней всё в порядке, а потом, взяв сестру за руку, быстрым шагом пошёл дальше.

Ведомая двоюродным братом, Дильбар уже на ходу повернулась.

– Ленка, пока. Завтра придёшь?

– Приду.

– Хорошо. Спокойной ночи.

Расстроенная тем, что Алишер, как ей показалось, попрощался сухо, и с завистью к подруге, которая ушла, держась за его руку, Лена чуть не плача побежала домой. Там её уже давно ждали.

– Ленусик, где тебя носит? – мама Лены встретила её у порога. – Света давно скучает, а ты всё не идёшь да не идёшь.

Лицо Лены озарила улыбка. Слово «Света», которое произнесла мама, означало, что к ним приехала в гости мамина закадычная подруга, что было, конечно же, большой радостью.

– Здравствуйте, – Лена заглянула в комнату и поздоровалась с мамой Светы. – Что, тётя Валя, Ташкент стоит или уже пал? – Лена ехидно пошутила. Она всегда была рада Свете: та была её ровесницей, но не очень-то любила её маму. Учительница по профессии, тётя Валя в каждый свой приезд считала своим долгом прочесть Лене лекцию о нравственных устоях, которых непременно должна придерживаться порядочная девушка.

– Тьфу на твой язык, милая. Ещё накарай мне тут, – гостья жуть как боялась землетрясений. Её опасения были не напрасны: когда-то из-за такого бедствия Ташкент был почти полностью разрушен.

– Тётя Валь, извините, шутка была не уместна, – Лена была довольна, что расстроила гостью.

– Я смотрю, ты меня совсем игнорируешь. Не замечаешь – и так, можно сказать.

Эти слова Светы, выйдя из ванной комнаты и на цыпочках подойдя сзади, произнесла Лене почти в самые уши. От неожиданности Лена слегка вздрогнула и тут же обернулась.

– Светка, привет. Скажешь тоже – не замечаю. Я так тебе рада, – девчонки сердечно обнялись.

Когда-то родители Светы тоже жили в посёлке у моря, даже были соседями, и они дружили, но по каким-то обстоятельствам, не известным Лене, давно уже переехали в Ташкент. С тех пор частенько навевывались к ним в посёлок, но лишь в гости. Сегодня приехала только тётя Валя с дочерью. Ленин папа тоже работал в Ташкенте, он был директором завода, и его на тот час не было дома. Обычно он возвращался поздно, но почему-то переехать на постоянное место жительства в город, как родители Светы, не хотел. Так каждый день и мотался. Мама Лены всегда шутила по этому поводу.

– Ты, милый, наверное, на две семьи живёшь, – на что он неизменно отвечал.

– Дороже вас с Ленкой у меня никого нет.

Так втроём они и жили в небольшом посёлке у моря, принимая близких друзей у себя в гостях.

– Мой руки – и за стол, мы тебя заждались, – мать Лены Ирина Валерьевна пошла на кухню – накрывать стол к ужину.

– А почему вы меня ждали? Могли бы и не ждать, я и сама поесть могу. Мне Света компанию составила бы, – Лена шла следом за мамой и шёпотом ворчала.

– Тётя Валя настояла, – женщина сочувственно посмотрела на дочь, давая понять, что была бы рада помочь, но... увы.

– Ясно, – Лена тяжело вздохнула.

После того, как все сели за стол и приступили к еде, разговор между присутствующими оживился, говорили абстрактно: о жизни, о погоде, потом тётя Валя стала нахваливать мамину стряпню, а конкретно – жаркое, которое они сейчас ели.

«Неужели обойдётся без нотаций?..», – только и успела подумать Лена, как тётя Валя решила сменить тему и обратилась к девушке.

– Леночка, ты не слишком поздно возвращаешься? Я своей Светке позже девяти не разрешаю задерживаться.

– Обычно я возвращаюсь ещё позже. Сегодняшний вечер исключение, – Лена была расстроена невниманием Алишера, и тёте Вале не повезло. – Так, к сведению: мне уже шестнадцать, – добавила она чуть погодя.

– И что? Совершеннолетней ты станешь в восемнадцать лет, – тётя Валя села на своего любимого конька. – А пока мы отвечаем за вас. И нечего по ночам шастать и искать приключений.

Мама Лены была более прогрессивных взглядов, но сегодня молчала, чтобы не обидеть подругу. Но и не поддерживала её речи, а просто спокойно, опустив взгляд в тарелку, занималась едой.

– Мне кажется, честь девушки не под юбкой, а в голове, – чувствуя поддержку мамы, Лена дерзко парировала гостью.

Из глаз тёти Вали разом вылетел весь её арсенал огненных стрел, досталось и маме Лены, на что та безмятежно пожалала плечами, но не одёрнула дочь за дерзость. А если быть честным, то ей понравился дочкин ответ.

– И всё же, где и с кем ты могла быть в столь поздний час? – тётя Валя всё никак не могла успокоиться.

– Мам, ты чего к Ленке привязалась? Тебе что, мало меня третировать? – Света попыталась принять сторону подруги.

– Не говори глупости! Никто тебя не третировает. Ну, всё-таки, Леночка, где ты была, ведь сейчас уже почти одиннадцать?

– У Дильбар.

– Ты что, дружишь с узбечкой? Она учится в узбекской школе?

– Да, и что? – Лена, едва улыбнулась и продолжила есть.

– Валя, действительно, что тут такого? – наконец-то мама вступилась за дочь.

– Ты уже взрослая девочка. Красавица. Тебе пошёл семнадцатый год. Почему ты не дружишь с девочками... мальчиками из своего класса? Эта Дильбар, по-русски то хоть умеет говорить? – тётя Валя продолжала свои нападки.

– Лучше нас с вами. И не надо называть её узбечкой. Это такой же народ, как наш или какой другой. Взять наш посёлок, кто только здесь не живёт. И крымские татары, и корейцы, и евреи. Скажете, они хуже русских? Нисколько! Учатся лучше многих наших – это точно.

– Да что ты говоришь..., – тётя Валя снисходительно поджала губы. – Узбеки только и умеют, что собирать хлопок, а у крымских татар в голове лишь заботы о своих помидорах и огурцах.

– Это неправда. У Дильбар есть двоюродный брат, Алишер. Он, между прочим, университет окончил на красный диплом и работает следователем в Ташкенте. Русским и английским владеет превосходно. Да и дедушка у него образованный. Он историк по профессии. В русской школе историю преподавал, а потом экскурсоводом работал. По – русски и он, и Алишер говорят без акцента.

– Ясно... Теперь понятно, почему ты

– Валя, Алишер – хороший парень, – Ирина Валерьевна не дала подруге возможности договорить, хотя и так было понятно, что та собиралась произнести. – Мы его знаем. Большая умница. Красивый. Он однажды нас с Леночкой подвозил. Воспитанный, интеллигентный мальчик. Я и тётю его хорошо знаю. Он, конечно, не мальчик. ...Доченька, – мать повернула голову к Лене. – Алишер, по-моему, на много лет старше тебя. Зульфия сказала, ...если мне не изменяет память, ...ему тридцать шесть лет.

– Сколько?! – и тётя Валя, и Света открыли инстинктивно рты, услышав, каков возраст парня. – Вы что, девчонки, с ума посходили?! Светка моя с корейцем дружит...

– Мама. Слава, между прочим, в МГУ поступать будет, – быстро добавила Света, заступаясь за своего парня, но мама, словно не услышав её, продолжила гнуть свою линию.

– Ты, Лена, так вообще – со взрослым узбеком связалась.

Слова были сказаны таким нелюбезным тоном, что в головах присутствующих, наверняка, возник образ толстого, старого узбека в майке и с тубетейкой на голове, и Лене это совсем не понравилось.

– Алишер не старый! Он высокий, красивый, молодой, умный. У него есть и квартира в Ташкенте, и машина. Он юрист. Дильбар говорит: очень успешный. Его ценят. У него и родители образованные. Правда, они уже умерли, – Лена с таким рвением бросилась защищать Алишера, что у всех присутствующих не осталось сомнений, что она влюблена в него.

– Доченька, он намного старше тебя, – робко вставила мама.

– Ну и что? Мне вообще не нравятся ровесники. ... Не переживайте вы так. Он на меня не обращает никакого внимания. В упор не замечает, – эти слова Лена добавила уже с комом в горле, и чтобы не расплакаться, быстро затолкала в рот большой кусок пирога.

Похоже, тётю Валю тоже расстроили последние слова Лены, и она весь остаток ужина, тяжело вздыхая, ничего вообще не говорила, а просто ела молча.

Лена и Света этой ночью почти не спали, проведя её в нашёптывании друг другу своих сердечных секретов. Сначала Света рассказала про своего Славика. Они, как оказалось, учились в одном классе и дружили уже целый год.

– Лен, ты представляешь, он в меня с пятого класса влюблён!

– А ты что же, не замечала?

– Нет. Он раньше в другой школе учился, но живут они неподалёку от нас. Он мать два года упрашивал, чтобы она перевела его в нашу школу и именно в мой класс.

– Здорово. Значит, действительно любит. Ты с ним в Москву поступать поедешь?

– Да. Но не знаю, поступлю или нет. Он, знаешь, какой умный! Его учителя иногда вместо себя оставляют. Ну, если их директор вызовет, например.

– И что? Прямо урок ведёт?

– Да. Задачи по геометрии вместе с ним решаем.

– Тебе помогает?

– Конечно.

– А говорят – любви нет. Вон как тебя твой Слава любит.

– Ты чего?! Как нет?! Мои родители, знаешь, как друг друга любят? Отец очень часто маме цветы дарит. Даже сейчас, когда они старые. Моим под пятьдесят, они меня поздно родили.

– Мои тоже вроде любят друг друга. Наверное, любви нет только для меня, – голос Лены предательски дрогнул. Она была готова расплакаться. Света заметила это и стала по-своему успокаивать подругу.

– Лен, ты меня, конечно, извини, чего ты вцепилась в этого Алишера, если он тебя не... замечает даже? Ты вон, какая красавица, даже я тебе не чета, хотя все говорят, что я красивая.

Ты высокая. А ноги у тебя какие! Загляденье просто! Длинные, ровные. А твои каштановые волосы, а чёрные глаза – так вообще обалдеть!

– Нашёл, наверное, красивее...

– Красивее тебя нет. Ленка, я серьёзно, ты очень красивая. Не знаешь ты себе цену.

– Свет, он такой...хороший, – Лена не слушала подругу. Все её мысли были об Алишере. – Я никому не рассказывала, тебе первой. Мне тогда только исполнилось десять лет. Я ехала на велосипеде по нашей улице. На что-то я там, видно, засмотрелась и не заметила, как из-за поворота выехала машина – прямо мне навстречу. К моему счастью, она ехала медленно, и водитель успел затормозить. Но мы всё же столкнулись. Удар был не сильным, но я слетела с велосипеда и, упав, разбила себе коленку. Водителем оказался молодой парень. Красивый такой...

– И зовут Алишером, – Света улыбнулась.

– Да... Он подбежал ко мне, наклонился и говорит: “Прости! Солнышко моё, прости!”, – а потом поднял на руки и отнёс к своей машине. Посадил на переднее сиденье. Достал аптечку, рану водой промыл и йодом помазал. Всё время дул на коленку и называл меня «солнышком»... А потом мы вместе с ним поехали к его тётке, она живёт на соседней улице, и я её, оказывается, ещё раньше хорошо знала. Тётя Зулфия работает почтальоном, и кроме того мы покупали у неё молоко: она нам его всегда домой приносила. Когда Алишер впервые привёз меня к ним в дом, меня там встретили как дорогого гостя. И я у них ближе познакомилась с дочерью тёти Зулфии – Дильбар. Она моя ровесница.

...Алишер ремонтировал во дворе мой велосипед, а я разговаривала с Дильбар. А на следующий день он уехал, но сначала купил мне новый красивый велосипед. Он его дома у Дильбар оставил. Тётя Зулфия, когда на следующий день молоко принесла, мне шёпотом про это рассказала. Ну, чтобы я пришла и забрала...

– А куда он уехал?

– В Самарканд. Он раньше там жил. Мы с ним шесть лет не виделись. Мне Алишер сразу понравился. Я с того дня под предлогом, что за молоком, сама стала к тётке Зулфии ходить. Каждый день ходила. Мама сначала ворчала: «Зачем нам столько молока, каждый день по литру покупаешь», – а потом привыкла. Да и с Дильбар мы подружились... Я ждала, а он всё не приезжал.

– Как романтично. И что, ты его дождалась?

– Дождалась. Он полгода назад приехал в наши края. Его родители умерли, а бабушка продал дом в Самарканде и купил Алишеру в Ташкенте квартиру. На машину он уже сам заработал.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Мы с Дильбар подруги. Сейчас бабушка с ними живёт. Он ведь маме Дильбар отец. А от неё муж ушёл. Теперь они втроём живут. Алишер работает в Ташкенте, но каждый день приезжает в посёлок. Можно сказать, здесь живёт.

– Зачем? У него же в Ташкенте квартира. Женится бы себе и не мучил девочку–красавицу, – Света уже открыто подшучивала над Леной.

– Нет уж, пусть подольше не женится. Мне всё легче.

– Значит, ты повелась на его “солнышко”. И уже столько лет по нему сохнешь?.. Ну, не дурочка ли? Чего ты добилась?

– Не знаю, Свет. Но его слова... Словно вчера сказал. А как он на меня тогда смотрел...

– Ленка, тебе тогда десять лет было. Как он мог на тебя смотреть? Ты хоть это понимаешь? Он не тебе сегодняшней те слова говорил, ...а ребёнку, и вообще, наверное, задабривал, чтобы ты родителям не пожаловалась, и твой отец ему голову не оторвал. Ты ради интереса спроси у него, помнит ли он вообще тот случай. Наверняка нет.

– Свет, я не могу его забыть... И пусть он меня не любит, зато я его люблю.

– Что мне тебе сказать?.. Дурёха. С такой красотой, как у тебя, я бы за принца замуж вышла... Давай спать, расстроила вконец.

Света уснула быстро, а Лена ещё долго ворочалась. Она в сотый раз прокручивала в голове рассказ дедушки о смелом гениальном юноше Авиценне. Он ей представлялся таким же, как Алишер: высоким, статным, с прекрасными глазами, которые, однако, почему-то никак не хотели замечать её, как девушку. Её сердце рвалось на части. Её детская любовь выдержала проверку временем и переросла в девичью, когда в присутствии любимого, сердце замирает, и трудно дышать, когда уже определённо хочется прикосновений и нежных поцелуев, когда любовь кружит голову, как вино.

На глаза Лены навернулись слёзы. Поплакав немного, она незаметно для себя уснула.

На следующий день, проснувшись и позавтракав, Света и Лена задумались, куда бы им пойти, чтобы скоротать время. Август сбрасывал свои первые деньки, солнце нещадно палило, и воду из водохранилища давно уже забрали на поля. Море ушло далеко от своих прежних берегов, оголив не самую красивую часть водохранилища, а именно – дно. Впадины, насыпи, ямы большие и не очень, одним словом: котлован – огромный пустой, тянущийся далеко вширь и вдаль, – заменил синие просторы, где совсем недавно лёгкие бреюющие волны, неторопливо скользили по воде, отражаясь в которой, лучи солнца золотом полировали её поверхность. В небе парили ласточки, и вокруг царила тишь и благодать.

– Лен, ты вроде про какой-то остров рассказывала, и что на него можно попасть только когда воду из моря заберут?

– Ну да, есть такой.

– Пошли, ходим. Всё равно делать нечего.

– А что, давай, – и девчонки побежали одевать купальники.

Действительно, была у них на водохранилище такая достопримечательность. В своё время на месте постройки искусственного моря оказался большой, высокий земляной холм, сносить который не имело смысла. Его оставили, и вода, окружив холм со всех сторон, превратила его в остров, а вместе с тем во что-то таинственное, притягивающее, где побывать не хотел только ленивый. Весной наполненное водохранилище делало остров недостижимым, до него можно было добраться только на лодке, но летом, когда большая часть воды уносилась в поля, и водохранилище мелело, до острова становилось рукой подать.

Лена решила взять с собой и Дильбар, чтобы познакомить со Светой двоюродную сестру Алишера. Собравшись втроём, девчонки двинулись в путь. Дильбар комплексовала в присутствии Светы. Она привыкла к Лене, с ней ей было просто, а вот Света её смущала. Дильбар держалась скованно, старательно следила за своей речью, опасаясь неправильно поставить ударение в каком-то слове или вообще спороть чушь, потому по большей части молчала. Это было совсем нетрудно: Света почти не замечала её и общалась в основном с Леной.

На Лене и её подруге были короткие сарафанчики, надетые поверх купальников, Дильбар была в просторном платье ниже колен, из-под которого выглядывали тонкие сатиновые брючки, закрывающие ноги до щиколоток, а о купальнике вообще не могло быть и речи.

Весело смеясь, девчонки бесстрашно удалялись далеко вниз от привычного берега моря и, громко разговаривая и перешучиваясь, шли по пустым впадинам водохранилища, время от времени натываясь на буйки, бесхозно валяющиеся за ненадобностью. Вода ушла далеко, обнажив большую часть неровного, устрашающе глубокого дна, по которому сейчас и шли девочки.

– Ты посмотри, какое безобразие, – Лена негодовала, соскользнув в очередную яму.

– А что ты хочешь, это водохранилище изначально предназначалось лишь для хранения воды, а не для того, чтобы ты сейчас по нему топала.

– Далековато мы зашли, берега почти не видно.

– И тем лучше. Давайте загорать, – Лена первая сбросила с себя сарафан и осталась в купальнике. За ней последовала и Света.

– Дильбар, и ты снимай платье. Никого же нет, – Лена попыталась уговорить подругу.

– Нет. Мне нельзя.

– А как ты купаешься? – спросила Света.

– В платье, – просто ответила Дильбар.

По дну водохранилища девушки удалялись всё дальше и дальше от посёлка, приближаясь постепенно к острову. Наконец, появилось здание спортивного комплекса, специально построенного на этом месте. На искусственном море, готовясь к соревнованиям, тренировались по водным видам спорта спортсмены со всей республики. В основном это были байдарочники. Тут же все желающие могли взять напрокат за небольшую плату и лодку, и надувной матрас. Взять лодку девушки не рискнули, а вот матрасы взяли. Большая вода ушла, и берег от острова отделял лишь небольшой пролив.

– Переплывём, – Лена смело подошла к берегу.

– Страшновато... Я не умею плавать, – Дильбар только теперь призналась в этом. Для неё путешествие, в которое она отправилась вместе с Леной, было смелым решением, а перебраться вплавь на остров, где нет людей, – вообще верхом безрассудства. Маме она ничего не сказала, зная, что та не разрешила бы, поскольку воспитывала дочь в строгих традициях. И сейчас в Дильбар во весь голос кричал инстинкт самосохранения, тогда как Лена со Светой были сама безмятежность.

– Я не поплыву и вам не советую. Посмотрите на остров с берега – и пойдём обратно, – Дильбар была категорична. Но девчонки не отступали.

– Поплыли. Будем держаться за матрас и плыть. Здесь недалеко, – Лена упорно уговаривала подругу, и та, в конце концов, согласилась, вдобавок ей даже стало стыдно за свою заботливость. Дильбар старалась равняться на Лену и в душе мечтала быть на неё похожей, – если не во внешности, то хотя бы поведением.

Тётя Зульфия – мама Дильбар и дед давно заметили огромную симпатию Алишера к Лене, которую сама девушка почему-то не замечала. Им нравилась Лена, она была из хорошей, интеллигентной семьи и они негласно одобрили выбор Алишера и, уже давно, принимали её как родную, как члена семьи. Дильбар тоже привязалась к подруге и во всём подражала ей, конечно же – в рамках своих возможностей.

Покончив с уговорами, девочки всё-таки поплыли. Матрасов было два: за первый держалась и плыла Света, на втором лежала Дильбар, а Лена подталкивала и направляла её матрас, помогая двигаться вперед. Расстояние до острова проплыли за двадцать минут. Лена немного устала, но виду не подавала.

– Стоило стараться. – немного разочарованно девчонки поднялись на вершину острова. – Ничего особенного.

– Земля, покрытая высокой травой, и вид на море особо не впечатляет. Воды мало, – Лена согласилась со Светой.

Девчонки стояли на вершине и смотрели вдаль.

– Представляете, мы здесь одни. Страшновато, – Дильбар придвинулась ближе к девчонкам.

– Воспользуемся моментом и позагорает без лифчиков, – предложила Света. – Ты, Дильбар, оставайся на вершине, будешь нашим смотрителем, а мы в кусты.

– Ещё чего. Я вам что, маяк – торчать на виду у всех?

– Да кому ты нужна, кто тебя здесь увидит, – Света нарочно дразнила девчонку.

– Дильбар, ну что ты, конечно, мы тебя здесь не оставим. Пошли с нами, – Лена пришла подружке на помощь.

Девчонки выбрали поляну и, сняв лифчики, легли на траву. Солнце благодарно им улыбулось, получив возможность первым ласкать их прелестные молодые груди. Лена не смогла долго лежать, она вдруг вспомнила, что сегодня пятница, и в этот день Алишер всегда возвращается домой раньше обычного.

– Всё, девчонки, уходим, – она ловким движением застегнула лифчик купальника.

– Мало. Полчаса, не больше прошло. Так быстро загар не пристанет, – ворча, Света тоже поднялась.

– Девчонки, а я даже поспать успела, – Дильбар сладко потянулась.

– Всё, уходим, – Лена первая поднялась с земли.

Только они собрались спускаться вниз, как услышали несколько мужских голосов. К ним наверх кто-то поднимался и, судя по голосам, это были молодые парни. Девушки в страхе замерли. Первой пришла в себя Лена. Приложив палец к губам, она кивком позвала девчонок последовать за ней, и первая начала спускаться с горы – с противоположной стороны. Спустившись, они бросились к своим матрасам.

Когда уже отплыли на некоторое расстояние, их наконец-то заметили. Послышался свист, призывные и угрожающие мужские крики. Но если бы у ребят на самом деле были злые намерения, то догнать девчонок и затащить обратно на пустынный остров не составило бы труда. Кричали по-русски, однако следом никто не поплыл. Возможно, парни разглядели на матрасе узбекскую девушку, одетую с ног до головы и, приняв остальных за таких же, успокоились. Но когда девчонки вышли из воды, и ребята разглядели точёные фигурки Лены и Светы, вновь слышались крики, теперь уже восхищения. На этом все и закончилось, догонять беглянок уже не было смысла.

Лена, Света и Дильбар как угорелые помчались к спортивному комплексу, где было полно людей. Только добежав до него, они облегчённо вздохнули. Пожилой мужчина, принимавший у них матрасы, заметил, что девчонки тяжело дышат, и весело произнёс, глядя на Лену.

– Что, красавица, от парней убежала? А зря. Они ребята хорошие, не обидели бы. Наши, байдарочники. Из ташкентского клуба “Динамо” – на тренировку приехали. У них такая традиция: всегда перед соревнованиями остров посещают – погоды хорошей просят, ветра попутного.

– Кто же знал, – Лена и Света весело рассмеялись...

Лена сидела на топчане во дворе у мамы Дильбар рядом с дедом и внимательно слушала его очередной рассказ.

Худенький, невысокого роста мальчик с грустными глазами и большим орлиным носом, который выделялся на его впалых щеках, медленно шёл по пыльной дороге. Он был зол. По щекам катились слёзы, в руках он держал палку, которой яростно сбивал кусты колючек по бокам дороги.

– Я ему всё скажу, какой он злой и нехороший, – возмущённо твердил мальчик, вытирая грязной рукой слёзы.

Он шёл уже четыре часа, не отдавая себе отчёта, куда идёт, и очень устал. Через плечо его была перекинута серая холщовая сумка. То, что находилось в ней, было достаточно тяжелым, и мальчик время от времени перекидывал сумку на другое плечо, но даже мысли о том, чтобы выбросить содержимое сумки и облегчить ношу, у него не возникало.

Нешадно палило солнце, поблизости не было ни одного деревца, под тенью которого он мог бы отдохнуть. Трава, не очень густо покрывающая землю, уже давно высохла, но всё равно, несмотря на постоянный натиск ветров, которые вольно и бесшабашно носились по этим обширным местам пустоши, каким-то образом удерживалась корнями на поверхности измученной солнцем земли, чтобы в случае дождя невероятным образом – сродни чуду – ожить и продолжить своё существование.

От отчаянья и усталости мальчик сел прямо на пыльную дорогу. Сумка сразу же сползла вниз и улеглась в придорожную пыль. Мальчик сел и, согнув ноги в коленках, положил на них согнутые в локтях руки. Сперва некоторое время сидел с поднятой головой и смотрел вдаль, но потом навалившееся отчаянье сломало его, и он, опустив голову на руки, укрыл в них лицо и горько заплакал. Через некоторое время почувствовал, что кто-то трясёт его за плечо. Подняв голову, он увидел улыбающегося незнакомого мужчину, который сидел перед ним на корточках.

– Сынок, ты почему плачешь? Что случилось? – мужчина ласково погладил мальчика по голове.

От тёплых слов, от внимания тот ещё больше расплакался.

– Ну, ну, успокойся. Расскажи мне, что случилось, может быть, я смогу помочь тебе.

– Он злой и нехороший. Я ему, – и мальчик угрожающе замахал палкой.

– Ну, хорошо, давай вставай, по дороге расскажешь: меня овцы ждут.

Мужчина помог мальчику встать и отряхнуться от дорожной пыли. Недалеко виднелся город – это был Хорезм. Глинобитные постройки простых жителей были перемешаны с высокими круглыми крышами минаретов и дворцов, выложенных цветной мозаикой, которая светила на солнце, и оттого город казался сказочным царством.

Взяв мальчика за руку, мужчина повёл его с собой. Шли они недолго. Вскоре показалась отара овец, вокруг которой бегала собака, не давая баранам разбежаться. Похоже, растительность в этих краях повсюду была весьма скудная. Там, куда они пришли, трава торчала клоушками, а так, в основном, росли лишь колючки. Подойдя ближе к стаду, мужчина остановился возле небольшой холщовой сумки.

– Садись, мы уже пришли, – он первым устало опустился на траву и вытянул ноги. Мальчик послушно сел рядом, не выпуская свой мешок из виду.

– Тебя как звать? – мужчина развязал сумку и достал из неё бурдюк с водой и кусок лепёшки.

– Бируни. Меня так все зовут, и вы можете так называть.

Мужчина едва улыбнулся уголками губ, понимая, почему у мальчика такая удивительная фамилия, которая превратилась в имя. «Бируни» означало «носатый». Разделив лепёшку на две части, больший кусок мужчина – вместе с курдюком, наполненным водой, – протянул мальчику.

– На, родной, попей и покушай.

Тот, поблагодарив, взял курдюк и быстро стал пить. Но, как бы ему не хотелось пить, часть воды он всё же оставил хозяину.

– Что случилось-то? Рассказывай, на кого ты так зол? – продолжил расспросы мужчина.

– На него, – жуя лепёшку, ответил Бируни.

– На кого – на него? Ты можешь говорить ясней? – переспросил пастух.

– На Бога, – раздражаясь, что его не понимают, ответил мальчик.

– Что?! – изумился мужчина.

– А почему он забрал у меня и папу, и маму?

– Что значит – забрал? – мужчина недоумённо посмотрел на мальчика.

– У меня никого нет. Я сирота. Но кто-то же меня родил. Значит, у меня были и мама, и папа, но их теперь уже нет. Мне сказали, что они умерли: их забрал Бог. Так говорят люди. Почему, за что?! Что плохого я ему сделал, что он лишил меня и родителей, и дома?

Мужчина удивился столь логичным рассуждениям мальчика, но не показал виду.

– А сколько тебе лет?

– Недавно девять исполнилось.

– И что, у тебя больше никого нет?

– Нет, – Бируни всхлипнул, слёзы вновь подступили к горлу, и чтобы не расплакаться, он поскорее откусил от лепёшки и продолжил жевать.

– Да, сынок у тебя большое горе. Я сочувствую тебе, но что поделаешь, надо терпеть. Пройдёт время, и тебе станет легче. Человек приспосабливается жить с любым горем. Поверь мне, я знаю, что говорю, – пытаюсь утешить Бируни, сказал мужчина.

– Откуда вы знаете? У вас тоже никого нет?

– У меня другая беда. Моя дочка – ей тоже, как и тебе, девять лет – когда-то сильно испугалась и перестала ходить. И до сих пор она совсем не ходит.

– Жалко... Спасибо вам за еду, я пойду, – мальчик намеривался уйти.

Пастуху совсем не хотелось отпускать мальчика сироту, и он искал повод задержать его.

– Можно спросить, что у тебя в мешке? Видно, что он тяжёлый.

– Здесь всё моё богатство.

Заговорив о содержимом мешка, мальчик сразу преобразился: его глаза смягчились, но вместе с тем зажглись каким-то страстным огнём. Было ясно, что несет Бируни с собой что-то очень важное и дорогое ему. Он снова сел на траву и развязал мешок. Затем аккуратно, с каким-то даже трепетом, выложил свои сокровища на землю.

Взору мужчины предстали зёрна и семена всевозможных растений, камешки, различные по форме, по размерам и по ценности. Даже невооружённым взглядом было понятно, что среди камней были и драгоценные. Из маленького кармана мальчик достал огрызок карандаша и клочок бумаги. Очевидно, он приготовился что-то записывать.

– Вы случайно не знаете, как называется этот камень?

Мальчик выхватил из обилия содержимого мешка какой-то синий камешек и показал его мужчине.

– Нет, милый, я ничего не знаю. Я всю жизнь пасу овец и не прочёл не единой книжицы. Откуда всё это у тебя?

– Я был в разных местах, ведь у меня нет дома, и я не привязан к одному месту. Кто меня приютит, хотя бы на время, тому я и служу, а за это меня кормят, дают кров. Но самое главное: они делятся со мной своими знаниями. Я жил у одного пастуха, он пас овец высоко в горах. И он подарил мне вот этот камешек, – мальчик взял его в руки.

Камешек по форме был похож на финик, но только зелёный.

– Называется «камень козла», потому что извлекается из его внутренностей.

– Да? Как интересно. Почему именно у козла? И зачем? Ты знаешь?

– Конечно. Козлы едят гремучих змей, как и лани, а затем пасутся среди горных трав, поедая их в большом количестве. Поэтому у них внутри и образуется смесь змей и трав. Она потом у него внутри хорошо смешивается, перекачивается, затвердевает и принимает вот такую форму. Это очень ценная смесь, потому что она лучшее противоядие от укусов ядовитых змей. Кусочек съел, запил водой и всё. ...Но самое сложное – добыть этот камешек.

– Почему?

– Козла же ещё поймать надо.

– Это верно.

– А вот этот камень обладает таким свойством, что может притягивать к себе наконецники стрел, застрявшие в ране.

– Надо же, – мужчина с любопытством вертел в своих руках небольшой по размерам камешек тёмно-серого цвета, обладающий, если верить словам мальчика, большой силой.

– Что же, эти все камни тебе дал пастух?

– Нет, что вы, – мальчик весело рассмеялся. – Я был в горах. И жил с людьми, которые добывают камни. У них очень тяжёлая работа. Я им помогал. Они мне много про камни рассказали и многие подарили. Вот, к примеру, этот. Он при шлифовке оставляет жёлтый цвет и служит амулетом от неприятностей. А вот этот маленький, как зёрнышко, называется золотом.

Один из каменотёсов рассказывал мне про индийскую реку Синд, которую называют золотой. Представляете? Когда вода уходит из реки, в Индии погода такая, что бывает сезон дождей. Дожди льют очень долго. Но есть время, когда они наоборот долго не льют и жара всё высушивает. Так вот, когда река Синд высыхает на её дне, роют ямы и заливают туда ртуть. Этот такое серое вещество. Я его видел, но его у меня нет. Приходит время, и река наполняется водой, в сезон дождей, потом вода снова иссыхает, а в ямах остаётся ртуть вся покрытая золотым песком. Потом это золото собирают.

– Надо же, как интересно, – мужчина с удовольствием слушал мальчика. То, что тот рассказывал, было для него в диковинку. Ведя уединённый образ жизни, этот пастух мало общался с людьми, оттого почти ничего не знал о мире.

– А названия этих растений, семена которых вы видите, я знаю на греческом языке, – похвастался мальчик.

– Да ты что? Откуда?

– Я жил у одного греческого торговца, он меня и научил.

– Ты и писать умеешь?

– Конечно. И писать, и читать, – мальчик убрал в кармашек сумки огрызок карандаша.

– Молодец. Ты ещё так мал, а уже много знаешь. С тобой очень интересно.

– Это всё оттого, что я люблю учиться.

– Мне пора гнать отару домой. Видишь город? – пастух указал рукой в сторону видневшихся вдали куполов минаретов. – Это Хорезм. Я пастух дворцового стада. Пойдём со мной, я познакомлю тебя с очень умным человеком: может, он возьмёт тебя к себе в ученики.

– Спасибо вам. Это было бы просто замечательно. Я пойду с вами. Мальчик бережно сложил в свой мешок камни, которых их у него было много, и, закинув мешок через плечо, пошёл вместе с мужчиной...

– Дедушка, ну что же ты опять замолчал? – нетерпеливо спросила Лена.

– Я думал, дальше вы и сами знаете.

– Ничего мы не знаем! Что стало с этим мальчиком? – Дильбар, сидевшая рядом, поддерживала подругу.

– Тот пастух привёл мальчика во дворец, и их заметил двоюродный брат самого правителя города. Подозвал к себе, расспросил. Пастух всё и рассказал про Бируни. Абу Наср, так звали двоюродного брата шаха, был не просто родом из правящей династии, он был выдающимся ученым-математиком того времени. Конечно, он сразу оценил любознательного Бируни и забрал его к себе в дом. Бируни остался у него навсегда, найдя себе здесь семью.

В семье учёного очень полюбили мальчика, дали ему хорошее образование. А потом научная слава Бируни намного превзошла научную славу его приёмного отца. Да, да, дети мои, Бируни стал великим учёным. Наш ташкентский Политехнический институт носит его имя.

– Он был даже умнее Авиценны? – в глазах у Лены застыл восторг.

– Они оба были великими гениями. Но если Авиценна известен больше как учёный-медик, то Бируни известен больше как учёный-геолог. Он сделал много великих открытий в минералогии, но и не только. Умер Бируни в возрасте семидесяти пяти лет с книгой в руках, в окружении своих учеников, ища ответ на какой-то вопрос. Он имел колоссальные знания, но продолжал накапливать их до последнего своего вздоха. Считал, что все беды человечества от скудности познаний. Его образ жизни является наставлением для потомков. Он завещал всем нам: бойтесь покинуть этот мир невеждами. А ещё, как гласит легенда, за то, что пастух помог Бируни, Бог помог ему тоже. Его дочка стала ходить.

– Как хорошо. Я так рада за девочку, – у Лены на глазах выступили слёзы. – А в какое время жил Бируни?

– Очень давно. Примерно тысячу лет тому назад. Наука в те времена развивалась очень хорошо, а всё потому, что у власти были прогрессивные правители.

Так-то, девочки. Очень важно кто у власти - учёный или осёл.

– Дедушка, ты пей чай, а то совсем остынет, – в благодарность за рассказ Лена заботливо налила деду свежего чаю.

– Спасибо, доченька, – старик зачерпнул мёд ложечкой, положил в рот и запил чаем.

– А мы в новую школу переезжаем, – похвасталась Лена.

– Как это? – дедушка недавно жил в посёлке и не был в курсе всех дел.

– Нам новое здание построили. Если от магазина правее идти, как раз в него упрёшься. Красивое, светлое, двухэтажное. Классы просторные, вместо парт столы на двоих. Столько новой аппаратуры завезли для химического, физического кабинетов. Мы сегодня там убирались, помогали все расставлять.

– Хорошо вам, – вздохнула Дильбар. – а мы всё в старой одноэтажке учимся. Темно, тесно. Парты дореволюционных времён. Сроду ни одного опыта ни по физике, ни по химии не проводили.

– Действительно, это несправедливо, – Лене стало стыдно, она пожалела, что рассказала о своей школе, построенной властями для русскоязычных учеников и которая, похоже, пренебрегла потребностями местных узбекских школьников. От разговоров о школе отвлёк шум появившегося в небе самолёта-кукурузника. Словно гигантская стрекоза, он стал кружить над полем в несколько сотен гектар, которое почти примыкало к посёлку. Рёв пропеллеров заглушал голоса людей, самолёт опускался над полем всё ниже и ниже. И вот уже каких-то десять метров отделяют его от кустов хлопка. Вдруг множество баночек на его длинных крыльях по мановению лётчика вдруг сбросили свои крышечки, и под давлением, будто толкаясь и кусаясь, в воздух начали вылетать миллионы частичек пестицидов и гербицидов. Изначально предназначенные, как страшный яд, всевозможным вредителям и болезням хлопка, но уносимые ветром, эти частички вынуждены были обрушивать свою губительную мощь на людей, животных, растительность в посёлке, которого – по всем законам жизни – не должно было быть так близко к полю, но он был. Руководство страны в погоне за тоннами хлопка расширяло засеянные поля, пренебрегая безопасностью людей.

– Фу, – девчонки тут же зажали носы пальцами, спасаясь от неприятнейшего запаха химикатов.

Всё то время, пока девчонки слушали рассказ деда, Алишер неподалёку – тут же, во дворе – возился с машиной, но после «химической атаки» с воздуха, зайдя в дом, вынес два небольших полотенца.

– Держите, – Алишер протянул их Лене и Дильбар. – Хорошенько прикройте нос и рот.

– Сколько мне так сидеть? – Лена послушно закрыла полотенцем нос, хотя Дильбар и не думала слушаться брата.

– Я скажу, когда можно будет убрать.

– Бесполезно. Этот яд теперь везде, – вздохнул старик. – Всё им уже пропитано: и фрукты, и овощи, и земля, и вода, – он спокойно продолжил пить чай, время от времени подслащивая это питьё мёдом.

Лена и Дильбар, сидевшие рядом и до этого весьма активно поедавшие виноград, после слов деда почти одновременно одёрнули свои руки от светло-зелёных вытянутых ягод «дамских пальчиков».

– Может, его ещё раз помыть? – неуверенно предложила Лена, глядя на виноград.

– Вода тоже отравлена. Раньше такого безобразия не было, – дедушка вновь тяжело вздохнул. – Повсюду были фруктовые сады, овощные бахчи, а сейчас... одни хлопковые поля, куда ни глянь. Я слышал, что школьники, студенты из-за этого до зимы вообще не учатся. Хлопок собирают.

– Да, дедушка, это так. Почти с первого сентября и до середины декабря, – Дильбар пожаловалась деду.

– Ай, ай, как плохо. Откуда у школьников знания будут? Старшекласников тоже гоняют?

– Даже беременных не жалеют, а ты говоришь – старшекласников, – вступила в разговор мама Дильбар, возившаяся во дворе с постиранным бельём.

Лена промолчала. Школьники русских школ тоже собирали хлопок, но, конечно, не так долго: от силы месяц. Тётя Зульфия, глядя на только что развешанное бельё, которое, словно флаги, развевалось на ветру, что-то по-узбекски стала говорить отцу. Минуты две длился их разговор, а потом она ушла, и вслед за ней, попрощавшись, ушёл и дедушка. У него была привычка рано ложиться спать, но зато и вставал он рано.

После ухода матери Дильбар на ухо поведала Лене, о чём разговаривали взрослые.

– Мать жаловалась. Говорила, что из-за химии с воздуха она рожать и перестала.

– Ты же родилась.

– Узбекские мужчины любят много детей, а у ней только я... Наверное, поэтому нас отец и бросил... Жалко маму.

– Ужас какой.

– Чего-ужас-то?

– Что обязательно много детей надо.

– Всё, Лена, можешь убирать полотенце.

Девушка до сих пор послушно прикрывала нос и рот полотенцем, но после слов Алишера убрала его на край маленького стола, который стоял тут же – на топчане.

Алишер, закрыв капот и вытирая тряпкой руки, подошёл к топчану. – Так о чём вы тут шептались?

– О тебе говорили, – Дильбар хитро улыбнулась.

– Да? И что же?

– Ленке не нравится, что узбекским мужчинам нужно много детей. Говорит, ни за что за узбека замуж не выйду.

Щёки Лены вспыхнули огнём, словно бочка бензина.

– Не говорила я так, – не глядя на Алишера, зашипела Лена на Дильбар.

– Говорила, говорила, – та дразнила подругу, посматривая то на неё, то на брата.

Вконец смутившись, Лена решительно встала и направилась к маленькой лестнице, чтобы спуститься вниз. Алишер подал ей руку, его глаза устремлены на неё, и в них столько теплоты и нежности. Лена протянула ладошку в ответ, и Алишер тотчас крепко сжал её.

Имея опору, она легко спустилась вниз. Уже на земле Алишер, всё так же, не сводя с неё глаз, на несколько мгновений задержал её руку в своей руке, но она, опасаясь, чего-то или просто от смущения, – быстро выдернула ладонь.

– Мне пора.

Мельком взглянула на Алишера и слегка улыбнулась ему в знак благодарности, но потом развернулась и быстрым шагом пошла прочь со двора. Лена жила недалеко от них и всегда уходила до наступления сумерек, потому провозжать её было не принято, хотя Алишеру всегда хотелось это сделать.

Пройдя несколько метров, она остановилась, вспомнив кое-что, и обернулась. Дильбар и Алишер стояли на месте и смотрели ей вслед. От радостной мысли, что он не ушёл, а провожает её, пусть и взглядом, сердце обдало жаром, и оно забилося в бешеном ритме.

– Я завтра уезжаю в Москву – к бабушке. У нас самолёт в девять утра. Обратно прилечу тридцать первого ночью.

Лена увидела, что Алишер после этих слов направился к ней, и, вновь испугавшись чего-то, крикнув напоследок: «До свидания!» – развернулась и побежала.

– Пока, – ей вслед ответила Дильбар. – Наверное, обиделась на меня, – чуть позже добавила она, заходя домой.

Алишер действительно пошёл за Леной. Она убегала, а он шёл, пока девушка не скрылась за калиткой своего дома, а потом повернул в другую сторону и пошёл к морю.

Разгорячённое солнце после долгого дня уходило на покой. Разлившись огненной лавой на всю ширину линии горизонта, оно попутно окрасило и небо в жёлто-оранжевый цвет, а само, превратившись в святающийся белый шар, в прощальном поцелуе тянуло свои лучи к людям. Алишер сидел на берегу и смотрел на закат. Каждый день видеть Лену стало для него потребностью. Имея квартиру в Ташкенте и работая там же, только ради неё он каждый день наматывал лишние километры на своём стареньком «Жигулёнке». И сегодняшние её слова – об отъезде, что означали разлуку, – сильной болью отозвались в его сердце. Он сидел и смотрел вдаль, а сердце без слёз плакало от боли.

К шести часам плов был готов. Дильбар и её мама, сидя на топчане за столиком, ожидали, когда дед поставит на стол большой лаган (широкое блюдо, по-узбекски) с горькой вкусно пахнущего плова, окружённого со всех сторон кусками мяса и головками вареного чеснока. Дедушка готовил плов профессионально: с горохом, со специями. В большой миске томился салат из помидор с луком. Наконец, приготовления закончились, и все присутствующие стали накладывать плов с общего блюда, – каждый в свою тарелку. Плова всегда готовилось больше необходимого. Так было заведено в узбекских семьях. Без приглашения мог зайти любой человек, и именно в расчёте на гостя готовили больше.

– Здравствуйте, – Лена вошла во двор и подошла к топчану, где ужинала семья.

Дильбар первая соскочила со своего места и, спустившись вниз, обняла подругу. Они не виделись почти месяц. Лена гостила у бабушки.

– Ленка, ты ещё выше стала, и красивее, – Дильбар крутила и рассматривала гостью.

Лена, действительно, подросла и заметно повзрослела. То мужское внимание, которым она была окружена в Подмосковье – со стороны Сергея, молодого соседа бабушки, влюбившегося в неё с первого взгляда, – окончательно разбудило в ней уже начавшее пробуждаться женское начало, и девушка начала превращаться из бутона розы в сам цветок.

– Леночка, поднимайся, доченька, плов сегодня у дедушки получился очень вкусным, – тётя Зульфия пригласила её к столу.

– Поднимайся, внученька, а то я обижусь, – дедушка присоединился к приглашению. Он полулежал на топчане, попивая после плова зелёный чай.

– Сейчас, подождите, я подарки вам привезла, – Лена поставила пакет, с которым пришла, на землю возле стола и, раскрыв его, стала доставать подарки. Заинтригованная, первая спустилась с топчана мама Дильбар, а за ней и дедушка. Ему она привезла банку горного мёда, тётя Зульфийе – отрез на платье, Дильбар – сумку. Дедушка тут же, за столом, усевшись на табурет, начал пить чай со свежим мёдом, расхваливая его вкус. Тётя Зульфия была занята материалом, расцветка которого ей очень понравилась: это был её любимый цвет.

– А это кому? – Дильбар первая заметила ручку в подарочном футляре.

– Можешь не говорить, знаю кому. Но его нет. Он перестал к нам приезжать. Как ты уехала, ни разу не появлялся, – Дильбар нравилось дразнить подругу, глаза которой после этих слов заметно погрустнели.

– Приедет, доченька. Приедет. Работы, наверное, много, – мама Дильбар нежно обняла Лену.

– Ленка, это твои фотки? – Дильбар достала со дна пакета стопку фотографий, перетянутых резинкой, и тут же, растеребив её, стала рассматривать фото, по одному, передавая их матери. Дед был без очков, потому ему не показывали.

На многих фотографиях Лена была в компании молодого, красивого и высокого парня. То они, смеясь, брызгали друг друга водой из шланга, то парень бегал за ней, пытаясь поймать, а когда догонял, то кружил. Там, где они были вместе, всегда царили смех и счастье.

– Кто вас снимал? – с какой-то тревогой спросила тётя Зульфия.

– Папа, – Лена была сама доверчивость.

Она общалась с Сергеем просто как с другом, чего нельзя было сказать о парне. Влюблённый его взгляд на Лену мог не заметить разве что слепой. Занятые просмотром, они не заметили, как Алишер вошёл через калитку и, открыв ворота, уже въезжал во двор.

Ахнув, тётя Зульфия положила фотографии на стол и бросилась встречать племянника, не успев предупредить Лену, чтобы та не показывала ему фотографии. И Дильбар, и бабушка тоже пошли навстречу Алишеру, который, как и Лена, отсутствовал месяц. Одна Лена осталась стоять на месте возле стола. Ей очень хотелось побежать со всеми, её глаза светились счастьем и неотрывно смотрели на Алишера, но сделать хоть шаг навстречу ему – стеснялась.

Он тоже, выйдя из машины, смотрел только на неё, лишь на секунды отвлекаясь, чтобы поздороваться с близкими. Алишер делал это машинально, не осознавая их присутствия. Глаза и душа его были устремлены к Лене. Только сердцу было известно, как тяжело ему дался месяц разлуки с ней. Всё это время он почти не ел и мало спал. Все его мысли были о Лене. Он изнурял себя работой, чтобы, основательно вымотавшись, провалиться в сон и хоть немного дать сердцу отдохнуть. Работа была его спасением.

– Как похудел, милый. Ты что же, целый месяц ничего не ел? Может, ты болел?

– Я здоров, тётя, но умираю с голоду.

– Пошли за стол. Буду тебя откармливать! Лена тоже ещё не ела.

Поприветствовав племянника, тётя Зульфия поскорей отправилась за чистой тарелкой для него, дед отошёл по своим делам. Лишь Дильбар вертелась возле брата, за что Лена была ей благодарна. Не отрывая от девушки влюблённых глаз, Алишер подходил всё ближе и ближе. И вот он уже стоит возле неё.

– Здравствуй, Лена.

– Привет, – она ответила, но поднять на него глаза не осмелилась.

– Ты стала ещё красивее, – он хотел что-то ещё добавить, но от волнения не нашёл слов.

– Ленка нам всем подарки привезла. Это тебе, – Дильбар протянула брату футляр с ручкой. Он машинально взял, но, похоже, ему было не до подарков.

Щёки Лены горели огнём стыда, она боялась смотреть на Алишера, который подошёл так близко, что она испугалась: он услышит бешеный стук её сердца. С трудом пересилила себя и, подняв глаза, быстро сказала.

– Ты не думай, я на свои деньги всё купила. Честно. Я сама заработала. Мы втроём: я, Серёжа и Света сливу помогли собирать в колхозе. У бабушки там дача. Нам заплатили.

Но, похоже, Алишер услышал только мужское имя.

– Что ещё за Сергей? – его голос задрожал от волнения.

– Сосед бабушки.

Тут Алишер заметил и фотографии на столе. Он тут же стал их просматривать. Его звали кушать, но он, до этого утверждавший, что умирает с голоду, теперь за стол не торопился. Каждое фото, где Лена была с Сергеем, больно ранило его сердце и мукой отражалось на лице. Он вновь и вновь перебирал те же самые фотографии, словно впал в какой-то ступор, и Дильбар, заметив страдания брата, забрала их у него. Ничего не сказав, он быстро ушёл в свою комнату. Лена поняла, что Алишеру не понравились фотографии, и стояла чуть не плача.

– Что у вас тут произошло? Почему Алишер так расстроился? – с вопросами тётя Зульфия подошла к девочкам. Она разогревала племяннику плов и не знала о предыдущих событиях.

– Ему Ленкины фотки не понравились, – Дильбар ввела мать в курс дела.

– Ах, – женщина прикрыла рот рукой. – Я так и знала. Зачем ты вообще принесла эти фотографии? Не надо было этого делать. Он тебя обидел?

– Нет, тётя Зульфия. Он просто очень расстроился и теперь никогда не будет со мной разговаривать, – Лена закрыла лицо руками и расплакалась.

– Ну, успокойся, милая. Ну что ты? Ты же с этим Сергеем была не одна. Папа там твой тоже был, – женщина ласково обняла девушку.

– Вы так думаете? Он меня простит? – Лена начала успокаиваться.

– Простит, простит. Молодая ты ещё, жизни не знаешь. Такие фотографии нельзя мужчинам показывать, – с этими словами тётя Зульфия ушла доить корову.

Вечерело. Дедушки тоже не было во дворе, он, похоже, смотрел телевизор: был слышен голос диктора.

– Я домой пойду. Что ему так не понравилось?.. – Лена начала собирать фотографии в кучку.

– Дурочка ты, он ревнует тебя к этому твоему,.. – Дильбар ткнула пальцем в Сергея.

– Но мне кроме Алишера никто не нужен. Никто, – слёзы вновь подступили к её глазам, и чтобы снова не расплакаться, она быстро вытерла их рукой.

– До свидания, – Лена развернулась и медленно направилась к калитке.

– Леночка! – Алишер окликнул её, впервые при свидетелях назвав ласковым именем. Несколько минут назад, войдя в свою комнату, он некоторое время метался, умирая от ревности, но в памяти упорно всплывали глаза Лены, которые минутами раньше смотрели на него с любовью и с искренним счастьем. И постепенно ревность исчезала, но появился страх потерять любимую из-за своей глупости: этого он уже вынести не мог и, готовый простить ей даже измену – бросился к двери. И тут услышал разговор подружек. Слова, которые произнесла Лена, были дороже ему всего золота мира. Минуту назад умирая от боли, теперь он словно взлетал от счастья.

Влюблённые и счастливые, они стояли возле его машины у всех на виду и разговаривали.

– Говорят, я выросла, – Лена приблизилась к Алишеру так близко, что её глаза почти коснулись его губ. Его тут же обдало запахом молодого девичьего тела, сердце рванулось из груди навстречу, а руки до боли вцепились в ручку машины, едва удерживая от страстного желания заключить её в свои объятия. Смеркалось, и его глаза, застланные пеленой страсти, она не могла хорошо разглядеть, а если бы и разглядела, то всё равно не поняла бы настоящую силу порыва.

Лена была ещё слишком юна и чиста, чтобы уловить разницу между чувствами шестнадцатилетней девочки и многогранной любовью взрослого мужчины, балансирующей между трепетной нежностью и кипящей, рвущейся наружу обжигающей страстью. Лена была очень дорога Алишеру. Он мечтал жениться на ней, жить семьёй, чтобы она нарожала ему детей... Но, боясь обидеть и отпугнуть её своей настойчивостью, как бы тяжело ему ни было, понимал, что надо ждать по меньшей мере её совершеннолетия.

– Темнеет, я пойду домой. Не провожай, ты устал, – Лена заботливо посмотрела на него.

– Подожди. Я тоже привёз тебе подарок, – Алишер открыл дверцу машины и достал три коробки шоколадных конфет – тех, которые она любила.

– Ты помнишь, что я их люблю?

– Я помню всё, что касается тебя.

– Да?.. А помнишь, как мы впервые встретились?..

– Помню. Ты ехала на велосипеде, и я засмотрелся на тебя. Слава Богу, что у меня была маленькая скорость. ...С того дня ты живёшь в моём сердце.

– Правда? – но Лена не дождалась ответа. Она быстро прижалась к нему и поцеловала в щёку, а потом, испугавшись и застыдившись своего поступка, развернулась и быстро побежала домой.

Глава 2

На календаре значились первомайские праздники. Демонстрации проходили по всему Узбекистану, звучали хвалебные оды, прославляющие первое лицо Узбекистана Рашидова. Изредка диктор высказывал слова благодарности и простым колхозникам, бригадирам, которые своим самоотверженным трудом сумели дать родине шесть миллионов тонн хлопка. Москва была довольна. Хлопок имел стратегически огромное значение для всей страны в целом. Московские чиновники тогда ещё верили словам узбекской верхушки, отрапортовавшей о сборе столь огромного урожая, хотя сомнения в их головы уже закрадывались. На то были основания.

Брежнев умер, и ему на смену пришёл Андропов – чекист по профессии. Привыкший сомневаться и никому не доверять, он быстро наладил систему жёстких проверок, и результаты не заставили себя долго ждать. В центральных газетах всё чаще стали появляться разгромные статьи, рассказывающие о расследованиях, уголовных делах, связанных с коррупцией и других должностных преступлениях на Украине, в Литве, в России. И вот весна перемен пришла в Среднюю Азию. Вроде всё как обычно в древней Бухаре, но её жители знали – это только кажется.

На улицах города всё чаще стали мелькать машины с ташкентскими номерами, и прохожие, провожая их взглядом, тихо шептали: “ Слава Богу, и до нас добрались”. Со страхом на лицах, но с радостью в душе они, глядя машине вслед, тихо добавляли: “Неужели пришёл конец нашим бедам?..”. Люди пока ещё боялись верить в перемены, хотя факты говорили сами за себя. При получении взятки в тысячу рублей был задержан с поличным начальник ОБХСС УВД Бухарского облисполкома Музаффаров. Дальше, по цепочке – все его замы. Это потом станет известно о приписках хлопка на миллионы тонн на всех стадиях, начиная от сбора и кончая транспортировкой, о полученных, от продажи несуществующих тонн хлопка, миллиардах рублей, львиная доля которых осела в карманах руководителей всех уровней. Это всё будет потом, а пока только начало, и с поличным взят глава ОБХСС.

Операцию по задержанию разрабатывала небольшая группа офицеров КГБ Ташкента, согласовывая свои действия с кураторами из Москвы. Среди офицеров группы был и Алишер Баймухаметов, который в свои тридцать шесть лет уже имел звание майора. Разумеется, то, что он работает в КГБ республики, не знали ни его дед, ни тётя, ни тем более Лена.

Начальник управления Усманов вызвал к себе Алишера.

– Здравствуйте, Абдулла Исмагилович, – Алишер вошёл в кабинет и прошёл к столу, но садиться не стал.

– Здравствуй, Алишер. Рад тебя видеть. Садись, поговорить надо.

Непосредственный начальник Алишера был тоже родом из Самарканда. Но об этом стало известно совсем недавно, когда Абдулла Исмагилович занял кресло начальника управления и начал знакомиться с делами чекистов своего отдела. Тут–то он и узнал об Алишере, как одном из отличившихся с хорошей стороны сотруднике, и очень обрадовался земляку, который, благодаря только своим личным качествам и профессионализму, смог достичь немалых успехов в карьере чекиста.

Сам начальник, будучи человеком старой закалки, не приветствующий золотую молодёжь, был рад, что земляк не опозорил близких его сердцу родных мест. Ко всему прочему, он оказался одноклассником матери Алишера, которая умерла совсем ещё не старой. С этого времени Абдулла Исмагилович стал держать под своим пристальным вниманием молодого майора.

– Во-первых, с почином, – начальник нажал кнопку и попросил секретаршу принести ему с Алишером по чашке чая.

– Ты присутствовал при задержании Музафарова? – продолжил он, жестом приглашая Алишера угощаться. На столе лежала коробка конфет, и стояли две чашки чая, одну из которых Абдулла Исмагилович придвинул ближе к себе.

– Да. Мы его три месяца пасли. Контролировали и записывали все его телефонные переговоры, да и норушка была. Хапуга страшный! За всё требовал платы. Взятки шли потоком. Нет денег – плати телом. Стольких женщин обесчестил: и молодых и, замужних. До того страх потерял, что нажитые преступным путём богатства хранил практически открыто. Мы у него в подсобке изъяли ценностей на сумму полтора миллиона рублей, почти столько же нашли в домашнем сейфе. Ко всему прочему, много было золотых монет и драгоценностей.

– Молодцы. Я, если честно, не за тем тебя вызвал, чтобы ещё раз услышать о проделанной работе. Арестовали и забыли. Музаффаров – это лишь первая ласточка. Крупная птица ещё впереди. Меня вот что беспокоит. После ареста Музаффарова и изъятия его огромного богатства в Бухаре и области задрожала вся мафиозная паутина. Он ведь не один там такой – птица высокого полёта. Все жулики, до которых ещё не добралась фемида, подсуетились и стали активно прятать по надёжным местам преступно нажитые капиталы. По поступающей информации, бумажные деньги жгут по ночам большущими кострами. Остальные ценности растаскивают в чемоданах и вьюках, на ослухах и машинах, самолётами и поездами. Представляешь? Даже уличных мальчишек задействуют. Те в своих карманах переносят бриллианты, золото... Не научились мы пока хорошо работать, – Абдулла Исмагилович тяжело вздохнул.

– Следственный аппарат в КГБ, что и говорить, хромает. Вроде есть оправдание: коррупционных дел в былые времена не было. Наши следователи разучились долго и скрупулёзно работать. Практики-то по таким делам никакой, отсюда и опыта никакого. Как-навык-то понадобился – вышла осечка. Не хватило вам сноровки. Вот если бы вы сразу на всех вышли или, хотя бы, на многих... А то один Музаффаров и даёт показания, а другие быстро сориентировались и молчат про свои дела. Якобы свидетели клеветают на них, а они сами бедны, как церковная мышь, вот что они на допросах стали отвечать. Ладно, допустили ошибки – исправимся, но ведь не дают возможности такой. Пришёл приказ: начатое нами же дело у нас отбирают и передают в центр – боятся, что мы всё на тормозах спустим. И даже не это самое страшное.

Москве все наши наработки передавать не велено. Когда я принимал отдел, до меня дошли ужасающие слухи, что собранные вами ранее следственные данные, а это, по меньшей мере 70 томов, были сожжены. Некоторые документы были искажены и переписывались заново. ...Да что я тебе рассказываю, ты и сам, наверное, в курсе всего этого.

Алишер молча кивнул головой. Ко многим документам он лично имел отношение, потому как сам их скрупулёзно собирал: это звукозаписи телефонных разговоров обвиняемых, результаты наружного наблюдения, обобщённые данные по агентурным донесениям.

– Вот так-то... Видно, серьёзный муравейник мы разворошили. Хочу, сынок, тебя предостеречь. Я много пожил на этом свете. Не первый год на руководящей работе. И хочу тебе сказать, началось серьёзнейшее столкновение противоборствующих кланов в политической борьбе. Я, конечно, не допущу, чтобы мои сотрудники, первопроходцы, так сказать, подверглись преследованиям за добросовестное выполнение служебного долга. Но хочу, чтобы и ты, сынок, об этой опасности знал и был осторожен. ...Но мы ещё повоюем. Теперь к делу.

Алишер, подбери себе команду и вновь отправляйся в Бухару. Будете работать с центром. Копайте глубже, но учитывая предыдущие ошибки, впредь начинайте акцию по задержанию, только получив максимум информации. Старайтесь по возможности усыплять бдительность, а потом внезапно, одновременно накрывайте всю сеть, весь круг хранителей ценностей. Тех, кто добровольно сдаст припрятанное богатство, не арестовывайте. Рискованно, конечно, могут не всё выдать, но выигрыш будет в главном – в быстроте: ведь основные результаты достигаются, как правило, в самые первые дни. Главное: не давайте им очухаться и занять оборонительную позицию. Соблюдайте осторожность. Никакого контакта с близкими. Ты вроде как не женат?

Для нашей работы – это, конечно, плюс, но... Какие-то проблемы?.. Я в твоём возрасте уже двух дочерей растил. Неужели ни на одну не запал?..

– Запал.

– А чего тогда не женишься? Калым большой просят? – начальник хитро улыбнулся.

– Молодая она ещё. Только десятый класс оканчивает.

– Да ты что. Значит, семнадцати ещё нет? И давно ты её ждёшь?

– Давно.

– Ясно. Фотография есть? Хотелось бы посмотреть на ту, что так крепко тебя зацепила.

Алишер достал из бумажника фотографию Лены.

– Ого! Очень красивая. Высокая, стройная, а глаза – обалдеть. За такую любой калым не жалко. Красивая, очень красивая, – Абдулла Исмагилович вернул фотографию Алишеру.

– Русская?

– Да.

– Её родители о тебе знают?

– Да.

– Я бы такую тоже ждал. Мой тебе совет: фотографию спрячь подальше. Не дай Бог, бандиты на неё выйдут... Значит, говоришь, ей сейчас шестнадцать?.. Как минимум полтора года у тебя есть. Хорошо. Вернёшься из Бухары, пойдёшь преподавать юриспруденцию в университет. Я помогу устроиться. Почему надо будет профессию сменить, понимаешь?

– Понимаю.

– Вот и хорошо. Времена сейчас для нас очень опасные. У многих наших сотрудников, кто стал коррупцией заниматься, семьи кочуют с места на места, прячутся от угроз расправы. Ну, всё вроде обо всём поговорили. Иди, сынок. Собирай команду.....

Алишер и Лена виделись каждый день в семье Дильбар. Лена приходила к ним, сделав уроки, и проводила все вечера. Ровно в девять часов она убегала, не разрешая Алишеру провожать её. Но и в присутствии всех они умудрялись обмениваться влюблёнными взглядами. Алишер хоть на пару секунд успевал прижать её к себе, а она стыдливо целовала его в щёку. Об их любви уже давно знали не только члены семьи Дильбар, но и родители Лены. Такое бережное отношение мужчины к их дочери на протяжении долгого времени вызвало у них уважение к чувствам молодого человека, и они не ставили их встречам никаких препятствий.

Лена заканчивала десятый класс. Уже шли выпускные экзамены, месяц назад ей исполнилось семнадцать лет. Сегодня папа Лены вернулся с работы рано, и уже в половине шестого семья ужинала. Лена торопилась: в половине седьмого Алишер возвращался с работы, и она всегда встречала его у Дильбар.

– Пока не поешь, никуда не пойдёшь, – мама поставила ультиматум дочери, которая почти ничего не ела, то ли от любви, то ли от экзаменационных волнений.

Приняв душ, помыв волосы, одев лишь трусики и даже не став вытираться, Лена спешно надела простенький коротенький халатик прямо на мокрое тело и села за стол. Она надеялась одеться после того, как поест. Распущенные мокрые волосы струились по её плечам.

– Леночка, ты бы волосы феном подсушила. Простынешь, а на носу последний экзамен, – мама заботливо подала дочери полотенце.

– Пока буду есть, они уже высохнут, – но всё же Лена решила перестраховаться и хорошо вытерла волосы полотенцем.

– Ирочка, что у нас сегодня на ужин?

Глава семейства Алексей Степанович, отодвинув стул, сел во главе стола.

– На первое борщ, вчерашние котлеты на второе. Как обычно.

– Мне только суп, – Лена сидела в нетерпеливом ожидании.

– И суп, и второе. Похудела. А тебе этим летом в институт поступать, – мама была категорична.

- Хорошо, хорошо, – Лена скорчила недовольную рожицу.
- Ир, ты говоришь: всё как обычно. А я смотрю, пирог на столе.
- Это Ленка испекла. Когда успевает?..

Мама не успела договорить, как в дверь постучали.

– Открыто, заходите, – крикнула Ирина Валерьевна, даже не встав с места. В их посёлке двери на ключ закрывали только на ночь. Папа Лены всё же встал с места и вышел в прихожую встретить гостя.

- Здравствуйте.
- Здравствуй, Алишер, проходи.

Как только Лена увидела Алишера на кухне, мгновенно вспыхнувшая радость в её глазах сменилась ужасом вперемижку со стыдом. Она всякий раз краснела, когда за ней заходил Алишер. Лена была ещё слишком молода, чтобы привыкнуть и легко относиться к такой открытой демонстрации любви к ней. Щёки пылали огнём, она не смогла встать и убежать, а оставшись, сидела, опустив взгляд в тарелку и боясь пошевелиться. Мама Лены тут же встала, приглашая Алишера к столу. Молодого человека посадили возле Лены. Ирина Валерьевна принесла ему тарелку супа и ложку.

- Алишер, угощайся. Если не хочешь суп, то я принесу котлеты.
- Спасибо. Я уже поужинал у тёти.

– Ладно. Может, пироги будешь? – мама Лены нарезала большой пирог на разделочной доске и, выложив порционные кусочки на блюдо, придвинула его поближе к гостю.

– Угощайся. Это дочка испекла. Она у нас любит готовить. Точно, не обманываю: это Леночкин пирог. Вкусный, попробуй. Она упрямо готовит их с вишней. Прошу иногда менять начинку, – ни в какую не соглашается. Лично я люблю с капустой, но и с вишней тоже ничего. Попробуй.

– Спасибо, – Алишер взял один кусочек и надкусил. Он обожал эти пироги. Когда Лена пекла их у себя дома, то часть пирога вечером непременно относила к Дильбар, где с удовольствием все угощались: и бабушка, и Алишер, и подруга со своей мамой. Похоже, мама Лены не знала об этом, потому так старательно уговаривала гостя попробовать пирог, вкус которого молодой человек давно уже знал и любил. Отчасти потому, что его пекла Лена, отчасти за то, что он был вишнёвый. После слов Ирины Валерьевны Алишер понял, что девушка пекла пирог исключительно для него. Бросив благодарный взгляд на любимую, он продолжил есть. Молчание затягивалось, и отец Лены решил прийти гостю на помощь.

– Алишер, Лена говорила, что ты следователь. Это правда? – папу, конечно же, волновал вопрос, кем работает избранник дочери.

– Да.

– А какие дела ты ведёшь? До меня дошли сведения, что сотрудники КГБ провели некую сложную и опасную операцию по задержанию шпиона на нашем авиационном заводе, и там фигурировала фамилия, похожая на твою – Бахтеяров. Этот парень геройски отличился в том деле. Случайно, это не твоя фамилия?

– Моя. Я вёл дело.

– Да ты что, – отец Лены искренне был восхищён. – То, что я сейчас рассказал, – вообще-то закрытая информация. Нас, как директоров заводов, поставили в известность. Перед нами выступал сам главный чекист, Абдулла Исмагилович.

– Это мой непосредственный руководитель.

– Молодец. Просто молодец. Значит, ты... там работаешь, – отец Лены не повторил слово «КГБ». Присутствующие жена и дочь вообще пропустили мимо ушей название организации, агентов которой афишировать было не принято, и папа Лены знал об этом.

- В каком ты звании?
- Майор.

– Похвально. Такой молодой – и уже майор. ...Трудные времена для вас пошли. Такое в стране творится...

– Да. Я вот сегодня уезжаю в долгую командировку. Уже, – Алишер посмотрел на часы, – через пятнадцать минут под вашими окнами будет сигналить машина. Это приедут за мной. – Молодой человек повернул голову в сторону Лены, которая уже со слезами на глазах смотрела на него.

А потом, не выдержав боли в сердце, сорвалась и убежала в свою комнату.

Родители Лены слегка растерялись, но, увидев сникшего Алишера, Ирина Валерьевна пришла ему на помощь.

– Ну, иди к ней, чего ты тянешь? И так ясно, к кому пришёл. А я пироги тебе в дорогу заверну.

Алишер, благодарно посмотрев на хозяйку дома и бросив “Спасибо”, прошёл к Лене. Когда вошёл в комнату, она стояла к нему спиной возле окна и плакала, но сразу повернулась, услышав его шаги.

– Почему ты должен?.. – он не дал ей закончить вопрос, закрыв рот страстным поцелуем, чтобы не отвечать правду. Он вообще не хотел говорить, а только целовать и целовать. Он так долго ждал этих минут и, дождавшись, жадно пользовался, осыпая горячими поцелуями глаза, лицо, губы любимой. Он прижимался к ней всё сильнее и сильнее и уже ощущал через рубашку упругость крепких грудей и, не имея сил сдержаться, стал поцелуями спускаться ниже, и вот его губы уже целуют её грудь, пусть и через ткань халатика. Неизвестно, чем бы это всё закончилось, но тут послышался сигнал машины. За ним приехали. Со стоном, не в силах оторваться, он еще сильнее впился в её губы, но водитель машины упорно сигналил и не желал уезжать. Наконец, с трудом оторвавшись, Алишер быстро достал из кармана коробочку и, вынув оттуда колечко, надел его Лене на палец.

– Запомни, любимая: ты моя. Пусть это кольцо тебе об этом постоянно напоминает. Дай слово, что, когда я приеду, мы сразу же поженимся. Дай слово, умоляю, – Алишер стоял и неотрывно смотрел на Лену, ожидая ответа.

– Да. Да... Только ты приезжай скорее...

Весь первый этаж облпрокуратуры Бухары заняла следственная группа прокуратуры СССР. На стене кабинета начальника управления висела большая карта страны, а под ней список фамилий следователей и криминалистов, приехавших сюда почти из всех союзных республик для выполнения особого задания. Иные здесь уже были шестой год, кто-то прибыл лишь на днях...

В одном из кабинетов расположилась группа ташкентских следователей во главе с Алишером Бахтеяровым. Утро, как всегда, началось с планёрки. Собрались руководители групп: и приезжих, и местных. Начальник управления начал оперативку.

– Коллеги, перед нами поставлена серьёзная задача, а именно: распутать узелки коррупции, свитые мафией. В нашем поле зрения оказались министры, высшие чины республиканских МВД, партийные работники всех рангов вплоть до секретарей ЦК компартий союзных республик. Мы работаем с верхами власти. Работа, которую мы с вами делаем, очень трудна и опасна.

Что республика поделена на сферы влияния преступными кланами, – нам с вами известно. Но до некоторых пор уголовники и казнокрады не вступали во взаимодействие. Теперь, когда оба преступных сообщества почувствовали, что их берут в оборот, началась тревожная консолидация. Я вынужден констатировать это как факт.

По оперативным данным, профессиональным бандитам уплачен аванс в размере ста пятидесяти тысяч рублей за совершение теракта с целью физического уничтожения кого-либо из руководителей наших групп. В связи с этим, не будет излишним напомнить вам следующее: из гостиницы на работу пешком не ходить, на охрану места проживания особо не рассчиты-

вать, самим быть начеку. Выезжать на задание только в бронежилетах. Членов семей, проживающих в радиусе тысячи километров, рекомендовано эвакуировать.

После планёрки Алишера подозвал к себе руководитель из центра.

– Ну, что?

– Он сейчас в командировке в Карши. Каждый день в загородном гостевом домике министерства мелиорации. И каждый день одно и то же: крупная пьянка и принятие подарков. Все телефонные разговоры прослушиваем. Ведётся видеосъёмка. Сегодня третий день, как гуляют, – думаю, бдительность ослаблена.

– Возьми пару человек своих. Сегодня ночью будем брать этого... бывшего первого секретаря Бухарского обкома, – эти слова руководитель из центра сказал особенно презрительно.

Алишер разделял презрение коллеги, потому не менее зло ответил.

– Давно пора. У нас ведь на него такой обширный материал собран: на десятерых хватит, чтобы посадить.

– Да, знаю я, знаю. Но что делать: верхушка упорно его покрывает. Как только мы на него первый раз вышли, Рашидов тут же его снял с должности и перевёл замом министра по мелиорации. Надеялся, что мы отступим. Просчитался... Но только вчера вечером, да и то с трудом, получили разрешение на арест.

– Тогда сегодня надо срочно брать, а то как бы опять чего-нибудь не вышло, и кто-нибудь не отмазал.

– Согласен. Я дам знать, когда выезжаем.

Вечером стали собираться. Готовились тщательно.

– Обязательно, помимо бронежилетов, берите автоматы, – приказал начальник группы.

– Думаете, будут стрелять?

– Кто их знает, Алишер? Всякое может быть, если узнают, за кем мы приехали.

Надев тяжёлые бронежилеты и взяв автоматы, сели в машину. Ночи под Бухарой тёмные, но этот факт был только на руку сотрудникам опергруппы. К темноте привыкли – научились лучше слушать. Затаившись, уже больше трёх часов выжидали, чтобы разъехались гости. В шесть утра начальник группы позвонил в сторожку.

– Личный пакет для хозяина, – сказал он.

Сторож, привыкший к гостям в любое время суток, спокойно пропустил курьера.

Дверь открыл сам полупьяный хозяин и протянул руку за пакетом. Начальнику хватило несколько секунд, чтобы приставить пистолет к его груди и дать понять, что молчание – залог жизни. Защёлкнув на запястьях наручники, они вышли вдвоём и, молча, отправились к машине. Сторож приветливо спросил хозяина.

– Уезжаете?

– Да, – сухо ответил тот.

Лишь в машине арестованный нерешительно поинтересовался.

– За что?

– Вы же и сами хорошо всё знаете, – начальник группы лишь укоризненно посмотрел на задержанного, а так хотелось дать в рожу этому наглому, зажавшемуся чиновнику, который в своём безнаказанном воровстве зашёл очень далеко.

Больше вопросов не было. За первым же поворотом сменили номера, словно почувствовали опасность. И не зря. Сторож, удивлённый столь ранним уходом хозяина, объявил тревогу: дескать, его украли. ГАИ сразу же были переданы номера подозрительного авто. Немедленно началась погоня. Чтобы спастись от преследования несколько раз меняли машины. Приходилось и отстреливаться. Бывшего первого секретаря Бухарского обкома привезли в Ташкент, откуда он был отправлен в Москву и помещён в Лефортовскую тюрьму. Уставшие, но довольные, следователи и оперативники вернулись в Бухару.

– Ну что, Алишер, несколько часов отдыха. На большее нет времени. Надо быстрее отыскать и изъять припрятанные драгоценности бывшего первого, иначе, сам понимаешь, – отвергнется. Поважем основательно – может, других сдавать начнёт.

– Как скажете, – Алишер устало улыбнулся.

Но прежде чем приступить к изъятию, решили ещё раз хорошо проанализировать весь имеющийся компромат. Впервые была поймана птица такого полёта – арестован первый секретарь обкома, пусть и бывший. Прокуратура таких дел ещё не знала. Это было, во-первых, а во-вторых, как только начнётся операция, родственники обвиняемого в спешном порядке начнут перепрыгивать драгоценности, потому необходимо было в один день накрыть все места захоронения. Беспокоиться было о чём: окружение «бывшего» уже засуетилось.

Накануне Алишеру один из допрашиваемых, проходивший по делу, передал записку, чтобы тот сам назвал сумму, которая нужна, чтобы закрыть дело. Передавшему записку был дан ответ: «Надо подумать», но после такого поворота событий решили операцию с изъятием больше не откладывать. Разделились на несколько групп, чтобы действовать одновременно. На родину первого секретаря, где проживал его отец и все родственники, приехали в восемь часов утра. Видеокамеры, понятые – всё было организовано основательно.

Понабежали жители посёлка и с интересом и страхом наблюдали, как обыскивают родственников бывшего первого секретаря обкома и их соседей. Принять участие в розысках, даже если и было что-то известно, никто не решался. Люди не верили в серьёзность перемен. В их глазах радость надежды на изменения жизни в лучшую сторону постепенно сменялась страхом в ожидании возможной мести со стороны тех, кого сегодня обыскивали. Работа по нахождению мест укрытия спрятанных драгоценностей была сложной. Никто ничего добровольно не отдавал. Конечно, следователи приехали не с пустыми руками: у них были некоторые признания ранее задержанных, да и сейчас они незаметно следили за каждым взглядом хранителей ценностей, обращая внимание, где задерживаются, стоят, а откуда уведут дознавателей. Поиски увенчались успехом. Со дна арыков, из-под деревьев в заброшенном саду – откуда только не извлекались богатства. Три стандартных столитровых молочных бидона с изделиями из золота! Они были зарыты и забетонированы.

– Алишер, – подозвал руководитель операции, – отойдём в сторонку.

Они отошли на несколько метров, чтобы их не было слышно.

– У тебя как, есть ещё информация?

– Есть пара адресов. Может, вы тут без нас, а я с ребятами смотаюсь. Откладывать на завтра нельзя. Перепрыгнут.

– Здесь ты прав. Хорошо, езжай. Только будьте осторожны.

Называть конкретные адреса у них было неприято. Считалось: то, что знает один, ещё можно сохранить в тайне, но никогда, если знают двое. А в этом деле тайна была главным оружием.

Знаками подозвав к себе товарищей, Алишер уехал из посёлка, захватив с собой одного из родственников первого секретаря.

Они приехали в тёмную, полуразрушенную гончарную мастерскую. Облазили всё вдоль и поперёк. Простукивали, копали, но всё безрезультатно. Родственник, молодой парень, равнодушно наблюдал за происходящим, не выказывая ни малейшего желания помочь в поиске. Алишер был расстроен. В голове стучала одна и та же мысль: «Или я где-то не доработал – или успели перепрыгать».

– Чего как пень стоишь на одном месте, облокотившись на стену? – не желая отступить, Алишер зло обернулся к молодому парню, надеясь вызвать его на признание. – Уже сорок минут рыскаем по всему двору, а ты с места не сдвинулся. Где..., – Алишер оборвал себя на полуслове. Его вдруг осенила мысль, что неспроста этот родственник, словно смолой, прилепился к стене.

– А ну-ка, посторонись.

Алишер, взяв кирку в руки, тут же с силой ударил по полуразрушенной стене, которая минуту назад служила опорой предполагаемому хранителю ценностей. Послышался знакомый звук: кирка ударилась обо что-то металлическое. И всё стало ясно без слов. Когда сломали стену, то в груды кирпича, пыли и мусора у ног следователей вывалились асбестовые трубы, банки из-под кофе, а в них – тщательно упакованные золотые монеты, кольца и ожерелья. «Изъяли ещё на миллион», – окинув богатства опытным взглядом, подумал Алишер. И хотя работа предстояла огромная: всё нужно было описать, пересчитать, сфотографировать, упаковать, сдать под охрану, – но Алишер с товарищами были довольны.

– Это ещё не всё? – Алишер посмотрел на родственника, взгляд которого из наглого и презрительного превратился в испуганный. – Есть ещё? Ты ведь знаешь: добровольно признаешься – к следствию не привлечём. А иначе – как знать... – по-узбекски сказал следователь.

– Йок! Йок! Нет! Фархад забрал остальное. Я вообще тут не причём. Это всё не моё. Я человек маленький.

– Ладно, не бойся. Жаль, что помочь не можешь. Дом – то Фархада хоть покажешь?

– Покажу.

Алишер переглянулся с товарищами. Знакомая картина. При малейшей опасности всё спрятанное дробится и развозится по разным доверенным лицам.

– Ищи теперь колючку в пустыне, – недовольно пробурчал Алишер, но отступить было не в его правилах, и он решил выследить этого Фархада.

Описав и сфотографировав все драгоценности, как положено, Алишер с товарищами уехал, увозя с собой изъятое, но только для того, чтобы затем вернуться и начать слежку за Фархадом.

Засаду устроили возле нужного дома. На рассвете, когда уже глаза слипались от усталости, Алишер, заметил тень, бесшумно проскользнувшую с пригорка к воротам. Это и был тот самый Фархад, который потом долго водил их группу по пустыне: от одного карагача к другому, от другого – к третьему... Казалось, что этому не будет конца, и он просто водит их за нос. Ребята из группы и Алишер в их числе, руками разрыли кубометры песка в поисках припрятанного богатства, но всё было тщетно.

– Вот здесь, теперь точно, – Фархад ткнул палкой в очередной карагач, но вдруг побледнел, увидев змей.

– Ты не врешь? Точно здесь зарыл? Здесь же змей полно. Ступить страшно, – Алишер угрожающе посмотрел на Фархада.

– Точно здесь. Тогда их не было.

Один из группы пояснил.

– Алишер, есть такое поверье, народная примета, то есть, что змеи приходят к золоту. Чего уж оно их так привлекает, неизвестно, но люди именно так и говорят. Может, он в этот раз и не врёт.

– Честно, не вру. ... Их тогда не было, – Фархад вновь подал голос.

Кое-как удалось прогнать змей, которые, действительно, словно бы охраняли весьма увесистый свёрток с золотом. Ребята просто умирали от жажды и, когда возвращались обратно, проезжая через один кишлак, возле недостроенного дома решили остановиться, чтобы попросить воды. Алишеру бросилось в глаза, что Фархад уж как-то очень занервничал и начал угрожать – не останавливаться и пожалеть хозяев: ведь на дворе была уже ночь. Алишера настояжили слова заботы из уст этого весьма обеспеченного родственничка бывшего секретаря, и он отдал приказ остановиться.

Разбудили хозяев. Это была молодая семья. На жалком подобии самодельной кровати спали трое их малышей. Из еды в доме – лишь вода и лепёшка. На мгновение Алишеру стало неловко, но помня нервно бегающие глаза Фархада, он всё же решил на обыск и не ошибся.

Из каморки были извлечены два опечатанных сундука. А в них – десятки кожаных пальто с мехом и без, свёртки с драгоценностями, деньгами.

Алишер запомнил наполненные страхом глаза того юноши, который, наверное, безропотно, от страха согласился спрятать богатства у себя, и которому, по всей видимости, даже копейки не перепало от тех, кому это богатство принадлежало, и кто по долгу службы обязан был заботиться об этой крестьянской семье. Алишеру нестерпимо захотелось самому установить справедливость и отдать хотя бы часть этих ворованных сокровищ бедной семье, чтобы они смогли спокойно растить своих малышей. Но горько осознавая, что у него нет на это права, погрузил все сундуки в машину, и они с товарищами приготовились уезжать.

– Подожди, – с этими словами, обращенными к водителю, Алишер выскочил из машины, достал свой кошелёк и вытащил все деньги, которые там были, то есть всю свою зарплату, которую только-только получил. Оставив себе лишь на чай с хлебом, он быстрым шагом подошёл к молодому отцу и, раскрыв его ладонь, вложил в неё деньги.

– Извини, брат. Всё, что есть...

Алишер развернулся и быстрым шагом, не оглядываясь, вернулся к машине, и они уехали. А тот юноша ещё долго смотрел вслед уехавшему автомобилю, радуясь деньгам, и со слезами благодарил Всевышнего, пославшего ему столь доброго человека. И в его голове даже не родилась мысль, что эти баснословные богатства, которые власть имущие прятала у него, на самом деле принадлежит ему – по праву, как им заработанное непосильным трудом на хлопковых полях и у него же похищенное. Он даже не задумывался об истоках этого богатства, смиренно перенося и голод, и нужду. Пока не задумывался...

Глава 3.

Окончив школу, Лена подала документы в Ташкентский медицинский институт. Поступила. До первого сентября ещё было время, и их, уже студентов-первокурсников, институт отправил в один из совхозов республики собирать сливу и яблоки. Там Лена поближе познакомилась со своими сокурсниками. Студентами оказались юноши и девушки из разных городов, и даже из других республик. Привыкшая жить в дружбе бок о бок с татарами, узбеками, корейцами, евреями, девушка спокойно отнеслась к приезжим из других республик. Для неё удивительным оказался совсем другой факт.

Одна девочка – еврейка, приехавшая с Украины, – открыто рассказывала, что на Украине евреев притесняют, что в вуз там им вообще никак не поступить: заваливают на экзаменах, поэтому они с братом вынуждены были приехать на учёбу в Ташкент, где подобной дискриминации не наблюдалось. Как и в школе, институтские группы делились на русскоязычные и узбекские.

Как правило, узбекская интеллигенция своих детей отдавала в русские школы, где обучение велось исключительно на русском языке, понимая перспективность владения этим языком в совершенстве. Узбекские дети, закончившие русские школы, поступали в институты, техникумы на русскоязычные факультеты. Но, что самое печальное, отдавая предпочтение русскому языку, узбекская интеллигенция отрывала своих детей от культурного наследия предков. Их дети забывали также и свой родной язык, так как в русских школах он изучался факультативно, и его, как правило, никто не знал.

Автобусы со студентами остановились возле здания школы в посёлке.

– Всё, товарищи, приехали, – острослов Дима, увидев школу, не преминул прокомментировать обстановку. – Выгружаемся. Спать будем на партах. Есть – то, что соберём. У кого есть деньги, сдавайте мне. Я попробую найти хлеб.

Все присутствующие заулыбались. Этого парня уже хорошо знали. Ещё во время сдачи экзаменов своими шутками он поднимал настроение, разгоняя экзаменационный страх.

Поселили, действительно, в классах, как и предупреждал Дима, но выдали раскладушки, и на партах спать не пришлось. Парни заняли один класс, девчонки – другой. Вечер потратили на обустройство. Поели в школьной столовой. На первое был борщ, на второе каша. Никакого разнообразия, но зато вкусно. Утро следующего дня начался с раннего, оттого показавшегося невероятно громким, крика.

– Подъём! – гаркнула преподавательница, которая приехала с ними из Ташкента, заглянув сначала в класс к девчонкам, а затем и к парням. Лена проснулась быстро. Она вообще плохо спала. Раскладушки были новые, но совсем неудобные.

– Ленка, слышь, – к ней шёпотом обратилась Нина – сокурсница, с которой Лена подружилась ещё во время вступительных экзаменов. – Лариску опять рвало. Она утром как угорелая в туалет бегала.

Лена, прежде чем ответить, оглянулась, чтобы удостовериться, что Ларисы в комнате нет.

– Ты что же, за ней следила? Может, ей просто приспичило, и она в туалет бегала.

Лена, одеваясь, нехотя разговаривала с подружкой. Она терпеть не могла сплетниц, в роли которых сейчас они с Ниной и выступали.

– Как же... Я как раз в туалете была. Курила. Она как сумасшедшая вбежала, и ну рвать... Я даже не докурила: противно стало.

– Может, отравилась.

– Нет. ...Она, похоже, беременна, – шёпотом добавила Нина.

Девушки вышли из класса и пошли умываться, продолжая начатый разговор в коридоре.

– Да ты что. Серьёзно, что ли? Ей ведь всего семнадцать. Почему ты решила, что она беременна?

– Я видела: у неё живот туго обвязан платком.

Лена не успела ничего ответить. Они зашли в туалет, где были другие девушки, и среди них Лариса. Умывшись и позавтракав, стали собираться возле автобуса, который должен был отвезти их в сад. Двери автобуса ещё не открыли. К девушкам присоединились парни, и все столпились возле дверей. Парни бесцеремонно толкались, чтобы войти в автобус первыми. Мест в автобусе хватало не всем, потому и получалось такое столпотворение.

– Товарищи, товарищи, пожалуйста, разойдитесь! Я пуговицу вчера здесь потерял. Дайте найти, без неё брюки падают! – острослов Дима, как всегда, дурачился, прокладывая себе дорогу к двери автобуса.

Свои шутки он выдавал всегда серьёзным тоном, что уже само по себе было смешно. Ребята, реагируя, улыбались, оборачивались к нему, некоторые даже опустили глаза к земле: а вдруг и впрямь человек обронил пуговицу, почему бы ему не помочь. И как-то так получалось, что Диме всегда удавалось надуть ребят: и в автобус он входил первым, и в сад ехал сидя.

Сегодня всех привезли в сливовый сад. Строгие ряды деревьев с одинаково постриженной зелёной пушистой кроной походили на мужчин – артистов ансамбля пляски карабахского округа: вытянувшиеся стрункой на носочках и в громадных папах на голове. И, что самое удивительное, сливы на таких одинаковых деревьях росли тоже почти одинаковые – одного размера. Узбекские сливы особенные – это крупные, мясистые плоды со сравнительно небольшой косточкой. Их собирали как раз вовремя, переспевших практически не было.

При входе в сад у Лены глаза разбежались от обилия синевато-сиреневых вкраплений продолговатой формы в зелёных кронах деревьев. Рука сама тянулась сорвать сливу и отправить не в корзину, а в рот, – слишком заманчив был никем не охраняемый плод. Лена так и сделала. Обтерев сливу носовым платком, она с удовольствием стала её кушать. Одну, затем другую, третью. Упругая, в меру сладкая плоть слив нравилась всем собирателям. Только наевшись, вспомнили о необходимости выполнять задание, с которым их сюда привезли.

В общей сложности, в совхозе пробыли десять дней.

Нина оказалась права: их сокурсница Лариса действительно была беременна и, туго перевязывая живот и поднимая тяжёлые корзины с фруктами, всё-таки спровоцировала выкидыш. Об этом узнали, когда у неё открылось кровотечение, и её увезли на «скорой». Почти до конца их садовой эпопеи Лариса пролежала в местной больнице, а по возвращении сама призналась, что ей сделали аборт.

Лена видела, что сокурсницы, а их в комнате было восемь человек, не осуждают Ларису, потому как слушали внимательно, а некоторые даже задавали вопросы, уточняя мелочи, словно сами собирались воспользоваться таким опытом.

«Нашла, чем хвастаться. Ребёнка погубила, как не жалко?! Выходит, не любила, раз ребёночку не рада. ... Не понимаю, как можно лечь в постель с нелюбимым? Я бы не смогла», – обо всём этом Лена подумала, но вслух не высказалась. Промолчала, чему потом была очень рада.

Позже Нина, которая была в более близких отношениях с Ларисой, «по секрету» рассказала Лене, что та забеременела от женатого.

– Представляешь, гад, скрыл от неё, что женат. Божился, что любит, и всё такое. Она, по сути, сама ещё ребёнок. Семнадцать лет. Поверила, сама влюбилась. Говорит, так настойчиво ухаживал. Если бы она его вместе с женой и маленьким сыном не увидела, так бы дурой и ходила.

– И что? Она сказала ему, что видела его с женой?

– Сказала. Он даже извиняться не стал. Говорит, что Лариска – его мимолётное развлечение, и вообще: сама виновата. Нечего, говорит, было ноги раздвигать!

– Ужас!..

– Да, так грубо и сказал. Ещё и угрожать ей стал: мол, если ребёнком начнёт шантажировать, – убьёт. Короче, бандит какой-то.

– Где она его нашла такого?!

– В соседнем доме живёт с семьёй. Лариска-то одна, с матерью только. Защиты никакой нет. Она мать уговорила переехать в другой район, чтобы этого больше никогда не видеть. Наплела матери невесть что... Та поверила. Короче, обменяли они свою квартиру. И у Лариски теперь всё нормально. Первая беременность: аборт делать нельзя, а тут выкидыш. Слава Богу, всё обошлось малой кровью. Жалко девчонку. Из хорошей семьи, сама всегда отлично училась, – а тут. Мать у неё сердечница, сейчас на пенсии по инвалидности. Волноваться ей категорически запрещается. Раньше в нашем меде преподавала. Профессорша. Лариска её бережёт, и ничего не рассказала. Говорит, ночью в подушку наплачется, а днём перед матерью счастье изображает. Они вдвоём, отец ушёл из семьи. Вот такие дела...

После разговора с Ниной, Лена обрадовалась, что вовремя прикусила язык. «Как мы все горазды судить других. Меня это касается в первую очередь. «Я бы так не смогла.», – Лена передразнила сама себя. – И как всё сложно оказалось... Лариску действительно жалко. Поддонок этот её... отец ребёнка. Влюбил в себя, наобещал с три короба, а потом ... Конечно, маленького тоже жалко, но, по сути... он ещё и не ребёнок – так, эмбрион... Как всё–таки всё сложно.»

Её, домашнюю, выросшую в тепличных условиях девочку, сегодня жизнь впервые поразила своей неоднозначностью: всё оказалось запутанно, сложно и непонятно. Лена вступала во взрослую, самостоятельную жизнь.

Занятия в университете начались, как и в школе, первого сентября. А в конце сентября их, студентов первого курса, вывезли собирать хлопок. Поскольку институт был медицинским, то действительное освобождение от сельхоз. работ получить было практически не реально. «Липовые» справки о плохом состоянии здоровья легко выявлялись.

С собой брали матрасы, постельные принадлежности и личные вещи. Для проживания в поле сооружались небольшие здания. Спали на нарах в два ряда, постелив матрасы, парни и девушки в одном помещении. Еда варилась в больших котлах на улице – под навесом.

Сегодня у студентов был первый день на хлопке. Три девчонки – Лена, Нина и Ира, сдружившиеся ещё со времени вступительных экзаменов, – здесь они тоже держались вместе. И свои матрасы на нарах – на втором этаже, ближе к выходу – постелили рядышком.

В восемь часов утра все были уже в поле. На секунду все очарованно замерли перед открывшейся взору панорамой. Безграничное поле, раскрывшее им свои объятия, казалось белым покрывалом, которое от своей воздушности не лежало на земле, а словно парило над ним.

– Фантастика, – восхищённо произнесла Лена.

– Чему ты восторгаешься? – раздражённо упрекнула подружку Нина.

– Белое покрывало из хлопка парит над землёй...

– Оно не парит, – Нина продолжила свой монолог тихим, злым голосом. – Оно держится на коричневых низкорослых кустиках. По всем законам ботаники на кустах должны быть зелёные листья, но, к твоему сведению, поле, буквально пару дней назад изрядно опылили специальным ядохимикатом, и листья опали. И ты сейчас, наклоняясь над этим прекрасным покрывалом, будешь вдыхать пары этой вреднейшего яда. Дотрагиваясь до кустов и самого хлопка, яд будет оседать на твоей коже, а через царапины, которых поверь мне, у тебя уже к вечеру будет достаточно, он проникнет в кровь. А когда мы будем умирать в мучениях от рака, в нашу голову даже не придёт мысль обвинить во всём прекрасное белое покрывало, которое ты так восторженно сейчас лицезришь. Ах, ах... Как можно?! Прекрасное не может убивать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.